

М. С. Максимов

Урюкшай

Сказки для детей и взрослых

М. С. Максимов

**Урюкшай. Сказки
для детей и взрослых**

«Издательские решения»

Максимов М. С.

Урюкшай. Сказки для детей и взрослых / М. С. Максимов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837388-6

В этой книге, уважаемый читатель, ты найдешь сказки о наших дорогих и любимых бабушках, об игрушках, которые украшали наше детство, о любви и верности. Эти сказки для всех членов семьи, поскольку в них заложены доброта и любовь ко всему хорошему, что нас окружает.

ISBN 978-5-44-837388-6

© Максимов М. С.
© Издательские решения

Содержание

Урюкшай	6
Беглецы	9
Волчьи ягоды	15
Бабушка Таня	21
А надо бы так делать	25
Подожок в подарок	28
Грустная кукла	34
Волшебная кукла	36
Мои дети лучше!	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Урюкшай

Сказки для детей и взрослых

М. С. Максимов

© М. С. Максимов, 2017

ISBN 978-5-4483-7388-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В этой книге, уважаемый читатель, ты найдешь сказки о наших дорогих и любимых бабушках, об игрушках, которые украшали наше детство, о любви и верности. Эти сказки для всех членов семьи, поскольку в них заложены доброта и любовь ко всему хорошему, что нас окружает.

Урюкшай

Ох уж и непоседой был восьмилетний Ванюша. Все ему надо было потрогать, везде побывать, все посмотреть, а уж что-то разобрать, это его любимое дело. Ни одной целой игрушки у него не было. Если машинка, то без колес или кабины, самолетик, то без крыла, паровозик, то без трубы. Ему обязательно надо посмотреть, что у игрушки внутри. А как это сделать, если не разберешь игрушку?

Не раз мама жаловалась папе на Ванюшу.

– Поговори с ним, поругай, ты же мужчина, тебя он послушается, – не раз говорила она. Но папа только улыбался или отшучивался.

– Любознательный сын растет, что в этом плохого? Поощрять за это надо, а не бранить ребенка.

Так получилось, что вынуждены были родители отправить Ванюшу к бабушке на лето в деревню.

– Не справится она с ним, – сокрушалась мама, – доведет он ее, до какой-нибудь болезни.

Папа ничего не говорил, он собирал Ванины вещи. И вот они в деревне. Ванюша и раньше тут бывал, но вместе с родителями и не очень долго, максимум две недели. В деревне ему нравилось находиться. Он любил играть в саду, срывать свежие ягоды или яблочки и есть их сразу в саду. Это маме не нравилось, но папа и тут не вмешивался в воспитание ребенка.

– Не мытые ягоды и фрукты нельзя есть, – возмущалась мама.

– Мы ели, и ничего с нами не случилось, – возражал спокойно папа, – только росли лучше.

Мама бабушке тоже стала наказывать, как кормить Ванюшу, на какой бочок его уложить спать, как одевать, чтобы он не простыл. Бабушка слушала ее и улыбалась.

– Доченька, ты собирайся и отправляйся в свой город, а мы тут без тебя разберемся, что нам есть, как спать, что делать.

Уехали они, а Ванюша сразу к бабушке с расспросами стал приставать.

– Бабуля, а домовый у тебя живет?

– Жил когда-то, но его Урюкшай прогнал, – ответила бабушка.

– А кто такой Урюкшай?

– Не знаю, я его сама не видела, но говорят, сердитый он бывает, а так ничего, жить с ним можно.

– А домового, почему он прогнал?

– Баловался сильно домовый, в трубах выл постоянно, кур гонял, да разве мало чего еще вытворял.

Ванюша на какое-то время задумался. К ним пришли деревенские ребята, которые позвали Ванюшу на улицу. Там он рассказал ребятам про Урюкшай. Васька, самый старший из детей, начал над ним смеяться.

– Нет никаких Урюкшаев, – говорил он, – это все бабушкины сказки.

– И не сказки вовсе, – возражала Диана, – у нас куры целый месяц не неслись, скажешь, что так и надо было? А у бабушки Тони корова прошлым летом плохо доилась, тоже так надо было?

– И почему ваши куры не неслись?

– Может, сглазил кто, а может домовый баловался?

– Диана, ты в школу ходишь, – возмущался Васька, – а рассуждаешь, как древняя старуха.

Нет ни домовых, нет никаких Урюкшаев.

Только произнес он эти слова, как споткнулся и упал прямо на кочку. Вася ободрал так локоть, что потекла даже немного кровь.

– Давай, подорожник приложим, – предложила Рита, сорвала листок подорожника, протерла его и приложила к ране.

– Это тебя Урюкшай толкнул, – засмеялась Диана, – не спорь больше с нами.

Они начали играть в свои игры. Потом Риту позвали на обед, следом ушла Диана.

– Иди и ты обедай, – сказал Вася Ванюше, – после обеда выходи, опять играть будем.

Ваня прибежал к бабушке, которая приготовила уже обед и хотела уже сама звать его домой.

– Бабуля, а Урюкшай толкнул Ваську, он упал и ободрал локоть, – рассказывал Ванюша бабушке.

– Ты тоже лучше гляди под ноги, а то не только локоть ободрать можешь, а и земельку носом пропахать, – улыбалась бабушка.

После обеда Ванюша снова бегал с деревенскими ребятами по улице. Набегавшись, он с охотой съел приготовленный ужин и даже попросил еще молочка. Укладываясь спать, он спросил бабушку об Урюкшае, не придет ли он к ним ночью, волновался внук.

– Зачем ему приходиться? – удивлялась бабушка, – ты днем вел себя хорошо, играл с ребятами, а Урюкшаю такие дети нравятся, спи спокойно.

Утром погода испортилась, набежали тучи, подул сильный ветер.

– Бабушка, домовый в трубе воет, – закричал Ванюша, – его Урюкшай простил, и он опять у нас в доме.

– Ветер в трубе воет, – вздохнула бабушка, – а может и домовый вернулся, кто их разбирает?

Целый день Ваня просидел дома. От нечего делать он поиграл в игрушки, которые хранились у бабушки на чердаке, почитал книжку. Только под вечер небо очистилось от туч, выглянуло солнце, которое было почти у самого горизонта.

На следующий день опять была великолепная погода. Деревенские ребята пришли за Ванюшей. Он быстро собрался, и они ушли играть на край села, а явились только к обеду. Ваня думал, что ему попадет от бабушки за то, что он не предупредил ее, что они с ребятами ушли далеко от дома. Бабушка ругаться не стала, но попросила, чтобы в следующий раз он предупредил ее, когда будут куда-то уходить с ребятами. Вечером Ваня пришел домой и заявил, что завтра они будут играть в войнушку, Вася обещал ему дать поиграть свой старый пистолет.

– Зачем тебе старый пистолет? – спросила бабушка, – ты попроси у Урюкшай себе свой пистолет, он добрый, может и даст тебе.

– Как попросить?

– Будешь ложиться спать, напиши на бумажке, что ты хочешь, – пояснила бабушка.

Ваня так и сделал. Он написал, что ему нужен пистолет, чтобы играть в войну. Ваня долго не мог заснуть. Ему очень хотелось посмотреть на Урюкшай, но сон все же его сморил. Когда Ваня проснулся, на его бумажке лежал пистолет. Такого оружия он никогда еще не видел. Пистолет был отлит из олова и был точной копией настоящего оружия. Ваня был просто в восторге. Наспех поев, он побежал на улицу. Пистолет ребятам тоже очень понравился. Они брали его по очереди в руки и не скрывали восторга от того, насколько хорош был Ванин пистолет.

– Это мне Урюкшай дал поиграть, – гордо заявил Ваня.

Вася начал было опять возражать, но посмотрел на свой локоть и замолчал.

Вечером Ваня спросил бабушку, может ли он теперь свои пожелания и дальше писать Урюкшаю? Бабушка пожала плечами и сказала, что просьбами донимать очень плохо, надо делать все в жизни самому, а не надеяться на других. И, тем не менее, Ваня написал, что хочет, чтобы в эти выходные приехали родители. Записку он не показал даже бабушке.

В субботу действительно приехали папа с мамой.

– Уж не случилось, что у вас? – удивилась бабушка.

– У нас полный порядок, – ответил сын, – не волнуйся, мама.

– Мы даже обрадуем Вас, – сказала Ванина мама бабушке, – Ванюшу мы забираем с собой, с понедельника он будет ходить в школьный летний лагерь.

– Как это забираете? – всплеснула руками бабушка.

– Вам тяжело с ним, он у нас ужасный непоседа, а дома с папой Ванюша не очень-то забалуется.

– Вы родители, вам решать, – вздохнула бабушка и вышла из комнаты, утирая передником набежавшие слезы.

Когда Ваня узнал, что его хотят забрать, он даже заревел сначала. Потом Ваня пытался уговорить папу, чтобы он оставил его. Бедняжка обещал слушаться бабушку, помогать ей, лишь бы его оставили в деревне. Папа уж было согласился, но мама была непреклонна.

И вот собраны Ванины вещи, уложены в машину. Пришли проститься с ним деревенские ребяташки. Ваня подошел к бабушке, обхватил ее, плечики у него затряслись.

– Прости, бабушка, это я написал записку Урюкшаю, чтобы приехали родители, какой я был дурак!

Бабушка гладила своей шершавой ладонью по головке внука и ничего не говорила. А что скажешь? Родителям, видно, лучше знать, где должен находиться их сын.

– Не переживайте, – сказала мама, – может через месяц мы его привезем.

Машина тронулась и покатила по деревенской улице, оставляя за собой длинный хвост дорожной пыли. Ваня сидел и глядел на убегающие куда-то назад деревенские избы, потом поля, большой луг.

– Прощай, Урюкшай, прощай, – произносил про себя Ванюша.

И может впервые в жизни он осознал, что на его пути было что-то очень доброе, чего еще не было в его жизни. Он также понимал, что это доброе волшебство может никогда больше не встретиться на его пути.

Беглецы

Александр во дворе настраивал косу. Вдруг из дома выскочила жена и только что не набросилась на него с кулаками.

– Опять из-за тебя тарелку разбила, – кричала она, – чтобы руки у тебя отсохли, увалень и пень с глазами. И что ты не можешь, как все добрые люди жить, все норовишь под руку что-то подсунуть.

Александр попытался возразить, что он и видеть не видел эти тарелки, но этим еще больше разозлил жену. Она принялась вспоминать все его грехи и промашки, даже вспомнила, как он парнем ухаживал за одной девушкой, а она, дура, вышла за него замуж. Александр бросил косу, выбежал со двора и резко хлопнул калиткой. Он слышал, как жена продолжала возмущаться, кричать так громко, что добрая половина улицы слышала ее крик.

– Не вернусь домой, – решил он, – лучше в омут с головой, чем с такой женой всю жизнь мучиться.

Он даже не заметил, как оказался на опушке леса. Присел на бугорок, пошарил по карманам. Пачка сигарет была в кармане, а вот зажигалка во дворе осталась. А курить так захотелось, как никогда еще не хотелось этого табачного зелья. Он выругался с досады, поднялся, смотрит, Сергей к лесу спешит. Они жили на одной улице, не то чтобы дружили, иногда покурят вместе, поговорят ни о чем и разойдутся по своим домам. А тут Александр даже обрадовался его появлению. Он окликнул Сергея, который куда-то спешил и не смотрел по сторонам. Они поздоровались.

– У тебя спичек или зажигалки нет с собой? – спросил Александр.

Сергей пошарил по карманам, достал коробок спичек.

– А вот курева нет, – сказал он с сожалением, – дома оставил. Понимаешь, жена так достала, что сбежал из дома. Взясась меня бранить за то, что молоко у нее убежало. Я в это время в саду был, как я мог ей помешать, ума не приложу?

Они закурили. Александр поведал Сергею, что и он ушел из дома, у него почти такая же история приключилась, что не вернется он домой ни за какие коврижки. В конечном итоге, решили они вместе искать в этой жизни счастья.

– Куда пойдем? – спросил Сергей.

– Вот дорога, направление в сторону от поселка, как видишь, вот и пошли туда, а там дорога сама укажет путь.

Прошли они немного, смотрят у дороги мужик сидит и слезы утирает. Подошли поближе.

– Это же Алексей, – воскликнул Сергей, – он в селе живет, мы весной семена у него покупали.

Подошли, поздоровались.

– Что за беда с тобой приключилась? – спросил Александр.

– Не спрашивайте, мужики, сбежал я из дома. Сил больше нет, с такой женой жить, какая мне досталась. Никогда не жаловался, а тут словно душу, она мне вынула. Пошла жена утром в магазин, споткнулась о свой же тапочек, который у крыльца бросила, ободрала локоть и коленку, а потом набросилась на меня. Если бы вы слышали, как она кричала, какими только словами меня не обзывала, а под конец схватила веник и хотела этим веником отстегать меня, как щенка какого-то. Вот я не выдержал, сбежал из дома.

Александр с Сергеем рассказали ему свои истории. Поохав, они решили идти, куда глаза глядят втроем. Ближе к обеду они проходили мимо одной деревни, где у Алексея родственница жила. Сбежал он к ней, хлеба с огурцами принес, денег немного, курева. Хорошая жизнь у мужиков началась. А тут ворон им человеческим голосом рассказал об острове Засидаль. Живут на том острове прекрасные девы, которые с охотой принимают таких мужиков, как они.

А уж, какие заботливые эти девы, ласковые и внимательные, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Они пылинке не дадут упасть на избранника, а уж, какие песни ему поют, какую еду готовят, пальчики оближешь. А главное постели, каких они и во сне не видели. Три перины на кровати, пять подушек, шелковый полог, чтобы комары ненароком не залетели. Ляжешь в такую постель, вставать не хочется.

– Где остров этот? – спросил Александр.

– Неделю пути, если не спеша идти, – ответил ворон, – не так уж и далеко. Дорога простая, идти надо только на Восток, а чтобы вам проще было, дам я вам перо, оно покажет точное направление. Придете сначала к болоту, которое нетрудно перейти, а потом на берег большого озера, там наймете перевозчика. Плату он небольшую берет, вам даже деньги не потребуются.

Ворон сбросил им перо, пожелал счастливого пути.

– А что мужики, попытаем счастья? – спросил Александр.

– Другого выбора у нас все равно нет, – произнес Сергей.

– Страшновато, но попробовать можно, – согласился Алексей.

Дело к вечеру, решили заночевать в лесу, а утром отправиться в дорогу. Быстренько соорудили что-то вроде шалаша, перекусили, сидят на звезды любуются.

– Если придем на озеро и переплывем на остров, я себе блондинку выберу, – сказал Александр, – у меня жена полноватая и темноватая, хочется чего-то другого. Поэтому она будет стройная, длинные ножки, глаза голубые, голос звонкий и приятный. Не моложе двадцати пяти лет, естественно, чтобы все завидовали, какая у меня голубка под боком находится.

– Губа у тебя не дура, – вступил в разговор Сергей, – а мне все равно, блондинка, брюнетка, только бы не рыжая. У меня жена рыжеватая, поэтому

и сердитая такая. Я выберу себе не очень толстую девицу, но и не худую. Я не люблю слишком тощих, а вот средненькая такая, чтобы все при ней было, меня устроит. Не старуха, естественно, не старше лет эдак тридцати. Я люблю, когда женщина хорошо поет, пусть по утрам будит своим ласковым пением. Она поет, а я в постели еще нежусь, благодать.

– А ты чего молчишь, Алексей, – спросил Александр.

– Чего говорить-то? Я себе черненькую выберу, чтобы ростом пониже меня была, полноватая в меру, глаза чтобы черные были.

– Ты же свою жену описываешь, – рассмеялся Сергей.

– А что моя жена? Она на вид не хуже других, на нее многие мужики заглядываются. Если бы бранилась чуточку поменьше, не хватала свой дурацкий веник, я бы из дома ни в жисть не ушел.

Они замолчали, думая каждый о своем. Александр пытался представить будущую избранницу, но у него это плохо получалось, перед глазами почему-то все жена представлялась.

– А где мы жить будем? – задал вопрос Сергей.

– В доме, я полагаю, – ответил Александр, – помнишь, как нам постели ворон расписывал, не поставишь же такую роскошь на улицу. Мне думается, что жить мы будем в палатах, обслуживать нас будут не только эти девы, но и слуги еще.

– Откуда там слуги, – усомнился Алексей.

– Кто их знает, может, евнухов себе завели?

– Мужики, как вы думаете, сколько лет этим девам? – задал вопрос Сергей.

– Откуда мы знаем, вот прибудем туда и увидим, – спокойно разъяснил Александр.

Ответ этот не очень-то устроил мужиков. Хорошенькое дело, а если этим девам лет по девяносто? Попадешь туда, достанется древняя старуха, а обратной дороги не будет. Как жить потом с такой кралею?

С этими тревожными мыслями мужики и заснули. Рано утром они проснулись, умылись, благо ручей недалеко протекал, пожевали хлебушка с огурцами и подались на Восток, как перышко им указывало. Проходя одну деревню, Сергей встретил знакомого. Присели

мужики отдохнуть, водички попить, а потом продукты закупить. С огурца и куска хлеба много не на шагаешь. Сергей и рассказал знакомому, куда и зачем они идут. Тот удивился сначала, про остров он не слышал, а потом даже позавидовал мужикам. Бедняге тоже, видимо, от жены доставалось. Идти с мужиками он категорически отказался, сославшись на то, что много дел на селе в такую пору, разгуливать времени нет. Дома он рассказал жене о том, куда и зачем подались мужики. Жена, как водится, рассказала соседке, та другой, а потом этот слух по всей округе стал распространяться. Через день, другой дошел он до жен мужиков.

Когда узнала об этом жена Алексея, она села на крылечко и расплакалась.

– За что так обидел, ненаглядный? Не со зла я на него бранилась, – причитала она, – а как любила, забыл, паразит? Двух детей ему родила, сына и дочь. Их хоть бы постеснялся, кобель, бесстыжий!

Жена Александра была более сдержанной. Она старалась виду не подавать, не сбежал, якобы, ее суженый, уехал по делам, вернется скоро. А у самой душа в пятки ушла от страха. Это же какой стыд? Мужик сбежал из дома потому, что она бранила его хуже базарной торговки. А как детям в глаза смотреть? Что они теперь о ней думать будут, за что она лишила их отца?

Жена Сергея как узнала про причину бегства мужа, так сразу в постель свалилась. Ее и так иногда донимала головная боль, а тут совсем не стало мочи от боли. Она тоже не знала, как объяснить детям об уходе их отца из дома. Они уже взрослыми становятся, все понимают, им не скажешь абы что, придется всю правду выкладывать.

И посыпались неприятности на бедных женщин со всех сторон. К жене Алексея заявила свекровь, мать Алексея. Она не бранилась, не топала ногами. Пришла, села на лавочку у дома, посмотрела на невестку очень строго.

– Это правда, что ты на сына с веником набросилась? – спросила она.

– Мама, Вы бы домой зашли, – робко предложила невестка.

– Я спрашиваю, это правда?

– Правда, – ответила невестка и расплакалась.

– Если сын не вернется, я тебе этого не прощу. Об одном тебя попрошу, не отваживай внуков от нас, сама понимаешь, это самое дорогое, что у нас осталось в жизни.

Она встала и, не попрощавшись, пошла со двора.

Досталось тоже женам Александра и Сергея от своих свекровок. Происходило это не так спокойно, как со свекровью Алексея, даже наоборот, они такой крик устроили, что соседи вышли из дома и наблюдали эти сцены.

А мужики тем временем отшагали целый день и устраивались на очередной ночлег. В одном селе Алексей купил небольшой топорик, поэтому обустройство места для ночлега делалось быстро и хорошо. Сделав шалаш, они поужинали, сидели и потягивали свои сигареты.

– Собирался траву в саду и вокруг дома выкосить, – сказал Алексей, как без меня теперь управятся?

– Твое теперь какое дело, ты готовься к новой жизни, старую жизнь забывать надо, – произнес Сергей.

– Так-то оно, так, косу сынишка заведет, ему я не раз показывал, как это делается, а вот масло в бензин налить не догадается. Испортит триммер, потом надо новый будет покупать.

– Трава ему покоя не дает, я кирпич, песок и цемент привез, – забор собирался перед домом делать, – сказал Александр, теперь некому будет этим заняться.

– А мы с женой обои и краски купили, собирались комнату и коридор отремонтировать, – вздохнул Сергей, – теперь с детьми сама делать будет. Но дети никогда таким делом не занимались, намучается с ними. А может, наймет кого, у нее голова в последнее время побаливала.

– Хватит раскисать, – остановил мужиков Александр, – раз решили, решения свои надо выполнять.

– Так-то оно, так, но меня мужики одно мучает, – произнес Алексей, – туда дорога вроде бы есть, а вот обратно, полная неясность. Ни я, ни вы об этом не знаем, и знать не можем. А если случится так, что назад домой с такой силой потянет, что станут немилы все эти прекрасные девы, их перины и дворцы, будь они неладны, а дороги назад нет, что делать будем?

– Хватит пугать, мы и сами такие сомнения имеем, – ответил Сергей, – но поверни мы обратно, нас засмеют все, а жены еще хуже начнут издеваться. Я думаю, мы должны какое-то время там пожить, пусть они соскучатся, а потом вернуться, как говорят, со щитом.

– Все это так, но ты не подумал о том, что мы там пока будем прохладиться, наши благоверные не сыщут себе других кавалеров? – рассмеялся Александр.

– Как это сыщут? – возмутился Сергей.

– Этого не может быть, – добавил Алексей.

– Как это не может быть? Ты же сам говорил, что заглядываются мужики на твою бабенку. При тебе приставать побаивались, а раз тебя нет, можно и приударить будет за ней.

На этом их разговор закончился. Они стали укладываться спать. Заснуть сразу никому не удалось. В голову лезли разные мысли о доме, детях, не сделанных делах. Алексею мерещилось, что возле их дома ходят ухажеры, а его женушка прихорашивается перед зеркалом. Особенно усердствует их местный счетовод, которого Алексей давно недолюбливал. Хоть и хилое племя эти счетоводы и конторские, но больно уж пакостное. Стоит положить, что не так, они уж тут, как тут.

Утром проснулись мужики в каком-то подавленном состоянии. Умылись, немного привели себя в порядок, сели завтракать. Один отщипнул что-то и пожевал, другой не лучше поел, а третий вообще сразу за курево взялся.

– Что так едите плохо? – спросил Сергей.

– Не привык по утрам завтракать без горячего, – ответил Александр и задумался.

– Было о чем думать. Его жена очень хорошо готовила. Особенно удавались ей котлеты разные, какой только начинки она для них не придумывала, ешь, ешь, а есть еще хочется. Что будет там на этом острове? Котлет таких, уж точно, не будет.

Задумались и Сергей с Алексеем. У них жены тоже многое умели делать. Если жена Сергея была мастерицей по пирогам и ватрушкам разным, то жена Алексея была непревзойденная мастерица по соленьям и вареньям. Такие грузди соленые у нее получались, что гости их в первую очередь со стола сметали, а потом за остальное принимались. Вспомнив это, Алексей невольно проглотил обильную слюну.

– Ладно, мужики, чего сидеть, пошли дальше, – сказал Сергей и зашагал на восход солнца.

Шли дальше только по лесу. Перышко уверенно показывало им направление пути.

– Нет ни дорожки, ни тропинки, – произнес Сергей.

– Такое впечатление, что тут вообще не ступала нога человека, – добавил Александр.

– Сделаю я засечки на всякий случай, – сказал Алексей и сделал первую засечку на сосне.

К вечеру пришли к болоту.

– Переночуем, а утром через болото пойдем, – предложил Алексей, – а то в темноте мало ли что может случиться?

Устроили шалаш, развели огонь.

– Как там мои сейчас, что делают? – сказал Сергей.

– Не трави душу, давай помолчим лучше, – произнес Александр.

А дома у них совсем плохо становилось. Пришли из школы дети Сергея расстроенные. Стала их мать расспрашивать, что с ними случилось?

– Проходу не дают товарищи, – ответил сын, – расскажи, говорят, как вы отца родного из дома выжили?

Что могла ответить им бедняжка? Пошла в сени, спряталась за сундук и давай, как говорят, сопли на кулак наматывать.

Не лучшая обстановка складывалась в семьях у Алексея и Александра. Там тоже дети с укором смотрели на своих матерей. Они чувствовали это, но ничего не могли поделать. Оставалось только ждать и надеяться, что вернутся их мужья снова домой.

Сидит Алексей у костра, прошедшую жизнь вспоминает. Как познакомился со своей будущей женой, как предложение ей сделал, свадьбу вспомнил. И получалось, что все у них хорошо было. А что жена браниться стала, так и его вины тут хоть отбавляй. Много внимания он ей уделял? Дарил цветы к праздникам? Много ласковых слов сказал за последнее время? А разве оказывал нормальную помощь в ее домашних делах? Если надо что-то сделать по хозяйству, жена раз скажет, другой, потом махнет рукой и сама начинает все делать, хоть и нелегко ей, порой, это доставалось. Свалил все на плечи несчастной женщины, да еще обижаться вздумал.

Александр тоже свою жену вспомнил. Какая она веселая и задорная в молодости была. Куда все это делось? А все из-за него. Жена и за детьми присмотрит, обует, оденет, накормит, спать положит. Как она успевала все делать? А он хорош гусь, свалил все на жену, сам на шею сел, да еще погонять вздумал. В заслугу себе занес то, что деньги зарабатывает для семьи. А кто же их должен был зарабатывать? Может сосед или родственник, какой должен был этим заниматься? А какое внимание жене уделял? Да никакого. Поест, попить подай, постели постель, купи то, принеси это. Выходит, что мало она на него бранилась, надо было, как Алексею, веником грязным по ушам надавать.

И Сергей о прошлой жизни вспоминать стал. Выходило, что все в жизни он достиг только с помощью жены. Она, в свое время, и учиться его заставила, и посоветовала на работу пойти, которая потом перспективной оказалась, и дом он построил потому, что она этого захотела. А он, барин непризнанный, в ножки должен был бы ей кланяться, а не по лесам шастать. Обидели его несчастного, жена обидное слово сказала.

– Вот что, мужики, – сказал решительно Алексей, – с меня хватит, не пойду я дальше с вами. Идите к своим девам, спите на мягких перинах, развлекайтесь, а мне домой пора.

– Ты прости, Александр, – заявил Сергей, – я тоже не пойду дальше. И дернул меня черт пойти с тобой, будто дома дел нет?

Только произнес он эти слова, как над шалашом стали кружиться какие-то тени, а с болота стали доноситься жутковатые крики. Тут уж было не до сна. Александр поднес палец к губам, давая понять попутчикам, что он все понял, согласен с ними, но надо замолчать. Попутчики его поняли и на какое-то время притихли.

– Вот что, – сказал Александр громко, – я пойду до конца, а вы делайте, что хотите. Домашние скандалы дальше терпеть я не буду.

– Прости, Александр, но я тоже пойду с тобой до конца. Не могу я вернуться домой, от позора, куда потом денешься? Надо мной вся улица смеяться будет, а это еще хуже брани жены.

– Я тоже про веник вспомнил, – произнес Алексей, – меня за этот веник мать родная презирать начнет. Я тоже не вернусь назад. Вот что, ложитесь спать, не затем мы сюда шли, чтобы шорохов испугаться.

Они затихли, даже что-то вроде храпа послышалось из шалаша. Часа в три ночи Алексей потихоньку выбрался из шалаша. Сергей с Александром последовали за ним. Было еще совсем темно, они с трудом стали отходить от болота.

– Вот и первая метка, – сказал Алексей, – верно идем.

Когда начало светать, они отошли уже на приличное расстояние от болота. Они взошли на бугорок и оглянулись. Над тем местом, где они ночевали, сверкали молнии, стали доноситься раскаты грома.

– Вовремя, кажется, ушли, – сказал Алексей.

– Нечего стоять, разинув рты, пошли быстрее от этих мест, – торопил всех Сергей.

Они пошли, а потом побежали прочь, сверяя путь с зарубками, которые делал Алексей. Нет нужды рассказывать о том, как они возвращались назад. Скажу только одно, обратный путь занял у них вдвое меньше времени. Встретили они и ворона, который посоветовал им тащиться на остров Засидаль. Бросил Алексей в него свой топор, но не попал. А ворон до сих пор зазывает на остров простачков, говорят, что такие глупцы находятся. Туда они уходят, а вот назад неслышно было, чтобы возвращались.

Наконец показалась деревня, в которой жил Алексей. Увидела его жена, обняла, расплакалась. Дети выбежали из дома, также отца обнимают. А на Сергея с Александром жена так посмотрела, что они сразу замялись и стали прощаться.

– Водички хоть пусть попьют, – сказал Алексей.

– Без водички хороши, смутьяны бессовестные, – проворчала жена.

Слухи по земле быстро разносятся. Вышли путники из деревни, не прошли и половину дороги до поселка, как их встретили жены Александра и Сергея с детьми. Обнимают усталых путников, радости своей не скрывают. Хотел Александр к Сергею подойти, чтобы хоть руку пожать на прощание, но жена загородила Сергея, сердито смотрит, того и гляди бранить начнет.

– Что же ты делаешь, даже попрощаться не даешь с человеком? – возмутился Александр.

– Иди, иди, смутьян, проживем без твоих рукопожатий.

Пожали они плечами и подались по своим домам. Говорят, что хорошо теперь живут, не бранятся, даже в гости друг к другу ходят. И хоть посматривают жены на Александра, как на смутьяна, но зла не держат. Благодарят все же за науку, которую все великолепно усвоили.

Я тоже рад, что все хорошо закончилось. Когда мир и порядок, всем хорошо живется и без перин в несколько рядов, и подушек пуховых.

Волчьи ягоды

Это было так давно, что об этом мало кто помнит. В одном селении жил знаменитый охотник. Его стрелы не знали промаха, его лук был самым грозным во всей округе. И было в лесу, которое начиналось недалеко от селения и заканчивалось за дальними горами, логово одной волчицы. И не было коварнее и хитрее хищника в лесу, чем эта волчица. Она не щадила ни дикое зверье, ни домашний скот. Не раз люди устраивали на нее облавы, но всякий раз уходила она, нанося урон домашнему стаду. И пришли люди к охотнику, чтобы оградил он их от волчицы. Молчан, так звали этого охотника, сразу согласился на это дело. Люди предложили ему в помощники крепких молодых парней, но Молчан от них отказался.

И началось это состязание человека и волка. Нет нужды описывать, как происходило это единоборство. Началось оно осенью, а закончилось только к концу весны. Вышел победителем в этом состязании человек. Каленая стрела пронзила тело волчицы, не оставив никаких шансов на жизнь.

Стоит Молчан на пригорке, смотрит на умирающую волчицу. В это время выбежали из-за куста три волчонка. Маленькие еще, несмышлениши беспомощные и неуклюжие. Просвистела первая стрела, затем вторая и третья. Пали волчата в один миг на прохладную еще землю. Дернулась волчица из последних сил, стараясь достать безжалостного врага, но не было уже тех сил, которые могли бы принести вред человеку. А тут еще куст преградил дорогу. Сомкнулись клыки в мертвой хватке на этом кусту, и затихла навсегда грозная волчица. Блеснули глаза хищника напоследок ужасной злобой, которую принял на себя этот несчастный куст.

Уничтожение грозной волчицы в селении отпраздновали всеобщим гулянием. А в лесу тем временем начали происходить не совсем радостные события. На том кусту, у которого погибла волчица, неожиданно появились голубые цветки. Стоило мушке, пчелке или какому другому насекомому сесть на цветок, как это насекомое погибало. Полетели пчелки к повелителю леса жаловаться на этот куст. Пришел он посмотреть на это чудо, а там леший уже у куста лежит. Понюхал он цветочки, в голове у него круговерть началась, упал леший без чувств у этого куста. Облили его родниковой водой, очухался леший, глазенками хлопает, ничего понять не может.

А повелитель леса приказал позвать к себе муравьев, они и рассказали ему об охотнике и волчице с волчатами. Собрал он мудрецов лесных, посоветоваться с ними хотел, что делать с этим кустом? Мудрый филин предложил вылечить куст.

– Как это сделать? – спросил повелитель леса.

Собрали всех лесных колдунов и ведьм, болотных и озерных знахарей и начали решать, как куст вылечить. Несколько предложений поступило от них, выбрали самые мудрые.

Лесной колдун вылечил куст от ядов для насекомых. Теперь пчелки и мушки могли спокойно садиться на цветки. При этом пчелки начали собирать хороший мед с этого куста. Леший вылечил куст от ядов для животных. Теперь животные могли не только не бояться подходить к кусту, но еще и лечить его соком многие свои болезни. А вот от яда для человека, лечить куст отказались все колдуны и ведьмы.

– Человек убивал детенышей на глазах у матери, – заявил колдун – отшельник, – волчица вложила в яд всю свою материнскую боль и гнев на человека, его удалить никому не удастся.

– Пусть будет так, – решил повелитель леса.

Какое-то время Молчан ходил по селению и выслушивал благодарности жителей. Потом это событие стало забываться, к нему относиться стали так же, как относились ранее. А вот дела на охоте шли у него плоховато. Если в былые времена он всякий раз приносил добычу, то в последнее время перестал кормить ею семью. А тут произошел вообще непонятный случай. Выследил он молодого лося. Добыча стояла боком к нему, не подозревая о смертельной опас-

ности. Он выстрелил так, как делал это много раз. Но выпущенная стрела, вместо того, чтобы поразить добычу, взмыла вверх. Молодой лось посмотрел на незадачливого стрелка и не спеша стал удаляться. Когда он не смог поразить еще и зайца, который был от него в десяти шагах, Молчан хотел с досады сломать свой лук и выбросить стрелы, но передумал и оставил на всякий случай. Пришлось ему, как и большинству селян, заняться земледелием.

И росли у него три сына. Хорошие парни были, трудолюбивые и заботливые. Они и в поле от других не отставали, и в лесу не последние были. Неплохо дела шли у семьи на хлебных полях. Кормила земля сытно главу семьи, его детей, которые о женитьбе уже разговоры завели. Но пришла беда для земледельцев. Жаркое солнце спалило большую часть урожая.

– Не прожить с такими запасами до нового урожая, – сказал детям Молчан, – что делать будем?

– Придется снова охотой заняться, – сказал старший сын, – многие уже потянулись к озеру за рыбой и в лес за дичью. Нам от людей отставать тоже не к лицу.

– Немошен я стал, плохой из меня охотник, – с грустью произнес Молчан.

– Не тужи, батюшка, а мы на что, – ответил ему средний сын.

– Погоди, Василий, не спеши, я первый это предложил, мне и начинать следует.

Старший сын выступил вперед и поклонился отцу.

– Прав Петр, иди ты первый, – сказал отец, принес свой лук и стрелы и подал сыну.

Вместе с петухами проснулся Петр, собрался, перекрестился и подался в лес дремучий. Не по мягкому лесному ковру ступать приходилось, а по сухой подстилке из иголок, мха и листьев. Каждый шаг на добрую сотню шагов слышен. Трава пожухла, листочки с ноготок выросли, нечем и зверю питаться, отощало зверье. Отходил целый день, не встретилась ему дичь. С пустыми руками не мог Петр домой возвращаться, заночевал в лесу. И почудилась ему среди ночи морда волчья. Все бы ничего, но уж больно глаза злые глянули на него. Утром ни свет, ни заря побрел Петр опять по лесу. И улыбнулась ему удача. Молодой кабан попался охотнику на пути. Запела острая стрела, пало животное от меткого выстрела. Хоть и тяжела была ноша, но и Петр не хилого племени был. Почти до дома дошел, осталось овражек перейти, по лесу немного пройти, а там и селение видно, как на ладони. Переходил овраг, увидел куст с ягодами спелыми. Во рту сразу все пересохло. Вытащил кабанчика на берег, спустился к кусту, стал красные ягоды с веток обрывать и в рот отправлять. А ягоды черенков не имеют, сразу на ветках кучками сидят. Поел он ягодок, выбрался из оврага, понес дальше свою ношу. Но немного прошел Петр, едва вышел из леса, как рухнул на землю. Люди недалеко в это время были. Увидели Петра, домой притащили.

А Молчану через несколько дней сон приснился. Идет он по полю, а ему навстречу волчица из-за куста вышла. Клыки так и сверкают на солнце, а глаза гневом горят.

– За моих волчат расплачиваешься, – прорычала она, – еще двое остались.

Проснулся он весь в холодном поту. Об этом никому рассказывать не стал.

Закончилось лето, собрали урожай.

– Не прожить зиму будет, – сказал Василий, – кабанчика ненадолго хватит, придется снова на охоту идти.

Заругался на него Молчан, слышать не хотел ни о какой охоте. Но не послушался сын отца, ушел тайком рано утром из дома в лес.

Проходил день, но ничего не добыл, заночевал в лесу. Утром козочка ему попала, не промахнулся охотник. И ему немного до дома идти осталось, но попался куст с ягодой красной, спелой, не устоял он, наелся этой ягоды. И опять Молчану сон приснился, в котором видел он ту волчицу, ее злые глаза, а также услышал предупреждение, что не до конца еще он рассчитался, за третьего волчонка долг остался. Проснулся Молчан весь в холодном поту. Дал зарок, что последний, Владимир, ногой в лес не ступит.

Закончилась осень, потом зима, весна уже в дома проситься стала. Много снега за зиму на землю выпало. Природа словно бы восполняла то, что прошедшим летом не дала. Хоть и впроголодь жили всю зиму люди, но семена к весне сохранили. Чуть подсохла земля, все от мала до велика, на пашню вышли. И зазеленело все вокруг, потянулось в рост. Радовал глаз хороший урожай, добрые дожди землю поливают, ласковое солнышко все обогревает. В лесу ягоды и грибы пошли, в свободное время все с корзинками по лесу бродят.

А Владимир с отцом в поле трудятся. Прибрать все надо, на зимнее хранение заложить. Да и дома работы хоть отбавляй. Надумал Владимир жену в дом привести. Девушку хорошую выбрал, веселую, работящую. Отцу с матерью она тоже понравилась. День свадьбы уже назначили. И выдался тут свободный день у парня. Пришел он к своей ненаглядной, а она в лес с подружками собралась идти. Грузди, говорят, пошли, только успевай собирать. Владимир, естественно, вместе с ними пошел.

Грузди действительно были на каждом шагу, только успевай собирать. Особенно красивые грибы стали попадаться Владимиру. Про такие грибы обычно говорят, что не хочешь брать, а все равно такому славному грибу поклонись. Полина, так девушку звали, за Владимиром пошла.

– Ну вот, полная корзинка, – сказал Владимир, – больше собирать некуда.

– И у меня полная, – смеется Полина, – давно таких грибов не было, хорошее лето в этом году, не то, что в прошлом, когда все высохло от жары.

– Пить чего-то захотелось, – произнес Владимир, – воду из дома не взяли, а до родника далеко.

Он посмотрел по сторонам и увидел недалеко куст, который был просто усыпан красненькими ягодами.

– Пойду и ягодами жажду утолю, – произнес он, встал и пошел к кусту.

Подошел Владимир, руку протянул, но в это время сук большой от дерева отломился, стал падать и задел парня. Полина испугалась, кричать стала, на помощь людей звала. Сбежались подружки, сук оттащили, подняли Владимира, хотели до дома нести. Он открыл глаза, в себя пришел. У кого-то вода оказалась, ему попить дали, лицо обмыли. Встал парень, окончательно в себя пришел. И хоть во многих местах побаливало, суком его хорошо задело, кости, к счастью, целыми оказались. Дошел до дома он сам.

А сук этот повелитель леса приказал лешему отломить и сбросить на парня. Жалко ему семью стало, они и так уже высокую цену заплатили за то, что Молчан сделал, убив на глазах матери ее детенышей.

Сыграли в назначенное время свадьбу. И зажили молодые хорошо и счастливо. А Молчан с женой внуков помогали растить. Только в лес ни сына, ни внуков Молчан не пускал. Снилось ему еще несколько раз волчица, снова грозилась за волчат отомстить, но взгляд ее был не таким уже злобным.

Прошло много лет. Давно нет в живых участников тех событий. А вот куст с волчьими ягодами остался. Называют этот куст волчьим лыком. И до сих пор его цветы, ягоды и сок ядовиты для человека. Не может, видимо, успокоиться волчица, все мстит за своих волчат людям. Что ж, людям тоже надо быть более осмотрительными и благородными в своих поступках. Беду накликают на себя не так уж сложно, а вот уйти от наказания за такие деяния, не всегда удается.

ВОЗЬМУ И СДЕЛАЮ

Сергей поудобней устроился на диване, взял и открыл книгу, но читать не стал. Глаза непроизвольно закрылись, еще миг, и он бы задремал.

– Сережа, ты же обещал отремонтировать дверь в сарае, она плохо стала открываться, – обратилась к нему жена.

– Успокойся, немного отдохну, а потом возьму и сделаю, – ответил Сергей недовольным голосом.

Дверь в сарае действительно перестала открываться и закрываться свободно. Надо было снять дверь, укрепить ее и снова повесить.

– Надо вставать и идти делать, – подумал он и начал уже подниматься.

– Сереженька, радость моя, куда ты вскакиваешь? Если будешь по первому указу жены бежать исполнять ее прихоти, то быстро себе горб наработаешь.

– Это ты, лень?

– Я, а кто же еще о тебе позаботится?

– Все так, но дверь действительно надо сделать, я, пожалуй, пойду.

– Погоди чуток, не убежит твоя дверь за это время. Я тебе такой замечательный сон сегодня принесла, ты только краешком глаза взгляни, а потом пойдешь выполнять распоряжение жены.

Она стала напевать ему убаюкивающую песенку, окутывать его сознание легкой, приятной дымкой. Глаза у Сергея стали вновь закрываться, и очень скоро он заснул. И ему действительно стал сниться замечательный сон. Сергей сидел за огромным столом, на котором стояли несколько телефонов. Он брал то одну, то другую трубку и давал кому-то ценные указания. Зашла секретарша. Это было само произведение искусства. Длинные ноги, короткая юбочка, ногти, которые напоминали когти дикой кошки, а черные глаза, как два бездонных колодца, так и манили утонуть в них в эту жаркую погоду.

Он должен был куда-то ехать. Сергей вышел на крыльцо, у которого стояла его изрядно потрепанная уже машина.

– Что это? – закричал он.

– Сергей Иванович, простите, вышла промашка, – говорил какой-то его подчиненный, возможно даже заместитель, – уже подгоняют Вашу новую машину, извольте взглянуть.

Ворота открылись, черный лимузин медленно стал въезжать во двор предприятия. Сергей еще не решил, какая это будет марка, но лимузин обязательно будет черным и очень солидным. И тут он увидел, как водитель плохо повернул, и сейчас лимузин боком зацепит за дверной столб.

– Куда прешь? – закричал он и проснулся.

Вошла опять жена, которая напомнила ему про дверь в сарае. Он ответил ей сердито и отвернулся к стенке. Жена вздохнула и удалилась. Дверку сарая она с помощью сынишки починила сама.

В следующий раз жена пришла с просьбой, чтобы Сергей выкосил траву вокруг дома и в саду.

– Хорошо, хорошо, – успокоил ее Сергей, – вот возьму и сделаю, а ты одежду мне приготовь.

Жена ушла, а Сергей смотрел телевизор, вернее щелкал пультом управления, отыскивая хоть что-то интересное. На одном из каналов начинался в это время показ его любимого сериала.

– Вот незадача, чего это я сразу обещал идти косить эту траву, мог и потом ее выкосить.

– Ничего ты не обещал, – услышал он знакомый голос лени, – из-за какой-то травы пропустить самую интересную серию, это глупо. Сиди и смотри, а трава никуда не денется.

– Почему моя жена не такая? – подумал он с сожалением, – сидели бы вместе и смотрели этот сериал, а траву я бы позднее скошил, а потом с ней мы ее убрали бы.

– Вечно твоей жене все надо и сразу, – словно прочитав его мысли, ворковала лень, – нет, чтобы пожалеть мужа, сделать для него что-нибудь приятное, приласкать и испечь вкусненький пирог, она в самый неподходящий момент лезет со своими делами. Она эти дела специально

придумывает, чтобы позлить тебя, испортить тебе настроение. Смотрел и смотри телевизор, хорошенький мой, славненький мой.

И Сергей остался сидеть на диване и смотреть телевизор. Жена заглянула пару раз в комнату, но ничего больше говорить ему не стала. Траву они с трудом, но все же с сынишкой убрали.

В этот день солнышко спряталось за тучи, должен с минуту на минуту пойти дождь. Сергей был в комнате один. Жена с детьми что-то убирала в огороде. Передач по телевизору хороших не было, и он заскучал.

– Поговорить и то не с кем, – произнес Сергей.

– Как это не с кем, – моментально ответила лень, – а я на что? Хочешь, я тебе отличный сон покажу?

Но Сергею спать не хотелось, и он от сна отказался.

– Хорошенький мой, я тебе судьбу предскажу, – не отставала лень, – ты дай мне свою ручку.

Сергей протянул руку. Он не видел, но чувствовал, как по руке лень проводила своими невидимыми, прохладными пальцами.

– Жить ты будешь долго и счастливо, – ворковала лень, – дети у тебя вырастут и станут большими людьми. Тебе тоже скоро улыбнется удача, большая удача. Ты начнешь дело, быстро разбогатеешь. Я вижу, как ты подъезжаешь на шикарной автомашине к дому. Дом у тебя совсем другой. Да, да, ты построишь новый дом. В нем много комнат, балкон на втором этаже.

Сергей представил, как он утром выходит на балкон, достает сигару и закуривает. Служанка выносит ему на серебряном подносе рюмочку коньяку и шоколадку. Сергей выпивает коньяк, садится в кресло-качалку. Двор в это время подметал дворник. Пыль поднялась аж до балкона.

– Что же ты, каналья, делаешь? – закричал на него Сергей.

Видение исчезло, что его сильно огорчило.

– Успокойся, хороший мой, – ворковала лень, – тебе нельзя так волноваться. Ты должен беречь свое драгоценное здоровье.

– Хватит гадать, – остановил он лень, – ты лучше сделай мне массаж, а то кровь что-то застоилась.

– Радость моя, я не умею этого делать, я лучше тебе спою очень хорошую песню.

И она запела довольно приличным голосом. Смысл ее песни заключался в том, что бродят по свету счастье и удача, надо их ждать и в них верить.

Так и протекала его жизнь. К этому все уже привыкли и перестали обращать на него внимания. И все же однажды жена снова попросила его сделать крышку в подвале.

– Когда-нибудь эта крышка так захлопнется, – сетовала она, – из подвала ее в жизнь не откроешь.

– Хорошо, вот возьму и сделаю, – пообещал Сергей.

Но время шло, а его обещание, как всегда, оставалось только обещанием. Однажды к нему пришли друзья. Они хорошо посидели. Утром Сергей проснулся с большой головой. Покликал жену, но ни ее, ни детей дома не оказалось. Он встал, походил по комнате, потом взял кувшин и полез в подвал за рассолом. Только он спустился на пару ступенек, как крышка подвала захлопнулась.

– Хорошо, что голову успел убрать, – подумал Сергей и спустился в подвал.

Он набрал в кувшин рассолу, попил немного, стало полегче. Сергей начал подниматься по лестнице вверх. Он нажал рукой на крышку люка, но крышка даже не шелохнулась. И тут он вспомнил о том, что говорила ему жена про крышку.

– Ничего, я сейчас ее открою, – произнес он.

Приладившись на ступеньках, он, что есть силы, нажал на крышку плечом. Никакого толка из этого не вышло, крышка даже не пошевелилась. Сергей знал, что она сварена из металла еще родителем. Сверху приделана защелка, если она закрылась, а так оно и было, открыть ее из подвала будет действительно невозможно.

Он поискал в подвале хоть какое-то приспособление, но кроме небольших обрезков от досок, больше ничего подходящего не обнаружил. Постучал обрезками по крышке, бросил их со злости на пол подвала. И в это время погасла лампочка. Стало темно и как-то страшно-вато в этом подземелье. Холод начал забираться за ворот рубашки. Он поежился, поднялся по лестнице и еще раз попробовал открыть крышку. И снова его постигла неудача.

– Лень, а лень, где ты?

Но ему никто не ответил.

– Постоянно рядом была, а понадобилась, ее и след простыл, – сказал с раздражением.

Через некоторое время холод начал пробирать его основательно. Попробовал делать какие-то движения, но в полной темноте такое занятие не безопасное. Он вскоре действительно наварил себе шишку. В какой-то миг ему показалось, что кто-то пришел домой. Он начал кричать, но наверху было тихо. В довершение ко всему, в темноте он не заметил и свалил графин, который, естественно, разбился. Боясь поранить ноги, он сидел на лестнице и дрожал от холода и страха.

Сколько времени прошло, он уже не представлял. Ему даже стало казаться, что он временами уже теряет сознание, что в любой момент может свалиться с лестницы и погибнуть в этом ужасном подвале. В это время наверху действительно послышался какой-то шум. Скорее всего, это кто-то свалил пустое ведро. Он попробовал закричать, но осипший голос издал далеко не громкий крик. И, тем не менее, его услышали. Крышка подвала открылась, яркий свет, как ему показалось, ворвался в подвал.

Он лежал на диване, укрытый теплым пледом. На стуле рядом с диваном стояли чашки с малиновым вареньем и медом, а также чайник с кипятком. Крупные испарины пота выступили у него на лбу. Он позвал жену.

– Полежи, Сережа, – ответила она, – я натаскаю воды в баню, затоплю ее и приду.

– Я вот..., – и он осекся, словно прикусил язык, – я сам натаскаю, слышишь, сам!

Он решительно сбросил плед с себя и встал с дивана.

– Сереженька, ты болен, – полилась сладкая речь, – полежи, радость моя.

– Ах, это ты, проклятая, да я тебя, – он посмотрел по сторонам, на глаза ему попался тапочек, – держи, противная!

И он запустил в лень этим тапочком.

Раннее утро. Сергей один перекапывал огород, подошла жена.

– Я сейчас покормлю детей и приду к тебе, вдвоем мы быстро управимся.

– А что же я? Один я, думаешь, не справлюсь? Иди и занимайся детьми, ты и так уже с утра наработалась.

Жена улыбнулась и пошла в дом.

Бабушка Таня

Трудно найти лучшую бабушку, чем бабушка Таня. Она и приветить может так, как не каждому дано, посочувствовать, если в этом есть нужда, успокоить при необходимости, добрым словом не обделит. А уж, какие пироги и ватрушки печет, пальчики оближешь. Была по моложе, козу держала, на козьем молоке детей и внуков вырастила. Но годы начали брать свое, от многого отказываться стала. Тут уж не до скотины, дом бы в порядке содержать, огород не запустить, ну и самой, как говорят, не опуститься в старческую беспомощность. Дети хоть и рядом, но не всегда их допросишься сделать что-то по дому или огороду. Вот и на сей раз попросила крышу у сарая подправить сына с зятем. Они не отказались, но и сделать в выходной не успели. У них тоже своих дел хватает. Дожидаются выходного дня, одно планируют сделать, другое, да и отдохнуть надо, не лодыря в будние дни гоняют.

Уехали они, а бабушка Таня сидит на крыльчке и вздыхает. Пойдет дождь, всю стену водой зальет. Вспомнила, что лист железа в сарае без дела лежит, и решила сама починить им крышу. Лист не тяжелый оказался, втащила его на крышу. Взяла молоток, гвозди, приладилась, чтобы лист прибить, но тут такая боль спину проколола, ни охнуть, ни вздохнуть.

– Батюшки, что же делать теперь буду?

– Сиди теперь на крыше сарая, в другой раз не полезешь, – услышала она сердитый голос.

– Кто ты? Помоги, пожалуйста, не повернуться мне что-то, – взмолилась бабушка Таня.

– Как бы ни так! Жди, я, прямо, разбежалась, сейчас помогать тебе буду с сарая свалиться, – опять прозвучал все тот же голос.

– Да кто ты такая? – спросила бабушка Таня.

– Я то? Я немощь твоя, так меня называть можешь, а лучше, барынька немощь.

От боли и обиды, у бабушки Тани на глазах слезы выступили. И так не вздохнуть, а тут еще какая-то немощь прицепилась. Молоток у нее в руке был, она и стукнула молотком по железу.

– Что же ты делаешь? – услышала она.

– Твое какое дело, что хочу, то и делаю, – ответила бабушка Таня сердито, – не хочешь помогать, проваливай, без тебя управлюсь!

Преодолевая боль, она взяла гвоздь, приладилась и ударила молотком по шляпке. Железо тонкое оказалось, после первого же удара гвоздь пробил его без труда.

– Не грохочи так, я шума не люблю, – сердито произнесла немощь.

Но бабушка Таня уверенно забила первый гвоздь, потом второй. Боль немного отступила.

– Что за жизнь пошла, болячки разные донимают, а тут еще немощь какая-то привязалась, – ворчала бабушка, – вот доберусь до вас, узнаете, как к человеку приставать.

После этих слов, у нее словно бы силы прибавились. Забив очередной гвоздь, бабушка Таня запела тихонько песню. И хоть боль в спине была еще очень сильной, она продолжала работать и петь.

– Ну, вот и все, – произнесла она, забив последний гвоздь, – железо ветер не сорвет, крыша течь теперь не будет.

Она скинула молоток на землю, придвинулась к лестнице.

– Как слезу теперь, – подумала с тревогой, – не загреметь бы с этой крыши.

И хоть не так высока была крыша сарая, падать с нее в таком возрасте бабушке Тане нельзя было. Преодолевая боль, она ступила на лестницу.

– Теперь полегче будет, – подумала с облегчением.

Спустилась на землю, отдышалась немного и пошла в дом. Обернула спину теплым шарфом, попила чайку.

– Сиди, не сиди, а дела делать надо, – сказала с какой-то грустью, – баню схожу, помою, протоплю, к вечеру внучка обещала приехать с правнуком.

Медленно побрела к бане.

– Могла бы, и полежать с часок, неугомонная ты какая-то, – раздался уже знакомый голос.

– Это опять ты? Сопровождать меня теперь будешь? Сопровождай, сопровождай, если больше делать нечего, ответила бабушка Таня.

К счастью, баню не надо было мыть, дочь сама все сделала. Воду в баню таскать тоже не надо, осталось только затопить. Решила, что еще рано топить, пошла в огород.

– Пособираю смородину немного, может внучка с собой возьмет, а нет – сварю компот, – подумала бабушка.

Она взяла небольшое ведро, маленькую скамейку и присела под кустом смородины.

– Чего спину гнешь? Кому надо и без тебя соберут ягоды, – бурчала неподалеку немощь.

– Ты еще здесь? А я подумала, что ты подалась в какое-то другое место, – ответила бабушка.

– Я теперь от тебя никуда не денусь, мое дело простое, я должна отбирать у тебя силы, а ты должна сидеть у дома и греть на солнышке свои косточки.

– Ишь чего захотела? Я буду на солнышке греться, а ты дремать со мной рядом. Хорошая компания у нас с тобой получится, как пат с паташонком, на все село потеха.

– Зря смеешься, ты еще моей силы не знаешь. Я могу так тебя прижать, что до дома не добредешь.

Такой оборот бабушку Таню не устраивал.

– Ой, как напугала, аж страшно стало, – спокойно ответила она, – на тебя тоже управу найду, не больно-то расходишь.

– И какую это ты управу найдешь на меня? – ехидно спросила немощь.

– А ты сама подумай, если не будет на вас управ, вы всех людей изведете. Так что не очень-то нос задирай. Если приставлена ко мне, сиди рядышком и не вреди сильно. А потом, глядишь, найдем с тобой общий язык, тебе хорошо будет, и я не в большой обиде на тебя останусь. Ты скажи лучше, как звать-то тебя? – закончила бабушка уже более миролюбиво.

– Никак не звать, немощь и немощь, чего еще. Когда была маленькой, меня колокольчиком кто-то звал, но я не помню, кто это был. Песню одну из детства иногда вспоминаю, вернее не песню, а всего несколько слов и мотив. А вот кто пел ее, не помню.

– Сироткой росла, горемычная, даже матери своей не помнишь, а про бабушку я уже не говорю, – сказала бабушка Таня и тяжело вздохнула.

Набрав ведро ягод, бабушка Таня затопила баню.

– Пойдем, немощь, в магазин сходим, внук приедет, гостинцев ему надо припасти.

Вечером приехали гости. Было шумно и весело в бабушкином доме.

Осенью бабушка Таня копала картошку. Погода была самая, что ни на есть осенняя. Светило солнышко, летали паутины, начинали краснеть листья на кустах. Немощь была, как и положено, рядом.

– И что ты упираешься, – ворчала она, – в выходной соберутся дети и внуки, выкопают твою картошку.

– Что ты понимаешь, немощь? Дети и внуки отдохнуть приедут, а я к ним с картошкой.

– Вот, вот, дочь тебе не раз говорила, чтобы ты не надрывалась на огороде, а картошку тебе они и так привезут.

– Если я так сделаю, надо мной все село смеяться будет. Дожила, скажут, бабушка, из города картошку на суп себе возить взялась.

– Болеть меньше будешь, мне с тобой не надо будет спорить, удерживать тебя от непосильной работы.

– Не понимаешь ты самых простых вещей, немощь, если я перестану заниматься делами, я еще быстрее заболею. При делах и время веселее проходит, а на болячки и внимания зачастую не обращаешь.

Немощь надолго задумалась. Она не могла понять, почему бабушка Таня будет больше болеть, если ничего не будет делать? Ей казалось, что все болезни пройдут, если она перестанет мучить себя этой бесконечной работой.

В один из дождливых дней к немощи прилетела с проверкой старшая немощь. Она осмотрела хозяйство бабушки Тани, покачала головой.

– Ты не переживай, в этом селе нам всем несладко приходится, но куда деваться, работать и тут надо, – сказала проверяющая.

– Вот и я о том же, очень трудно мне тут работать, может другая лучше тут справится? – взмолилась немощь, – не сладить мне с бабушкой Таней. Вот Вы на ее хозяйство посмотрели? Она порой еле ходит, а все равно делает, потому и порядок везде.

– И не мечтай! Ты уже пятая, которая просится из этого села, переводить никого не будем. И перестань нюни распускать, как говорят люди, тебя жалеть некому.

Проверяющая старшая немощь еще раз осмотрела огород, заглянула во двор.

– Я тебя понимаю, всем вам в город хочется, где тепленькие батареи, почищенные дорожки, не надо грязь месить, – сказала она более дружелюбно, – только и тут надо себя проявлять, более активно воздействовать на порученных вам людей.

Сославшись на то, что нет времени и ей надо спешить в другое село, проверяющая немощь не попрощавшись, подалась в сторону города. Проверяющая особа не наказала ее и не утешила.

В выходные дни понаехали к бабушке Тане гости. Дети и мужчины на улице были, а дочь и бабушка Таня в доме.

– Устала я, мама, за эту неделю, сил нет, – сказала дочь.

– Вижу я, лицо у тебя какое-то бледненькое. Иди, отдохни, доченька, а я тут сама управлюсь, не велик труд обед приготовить.

Она проводила дочь в комнату, уложила на кровать и одела мягким пледом.

– Поспи часок, и усталость пройдет.

Немощь с завистью смотрела на проявление особой материнской ласки и заботы. Где-то в дальних уголках памяти и у нее спрятались воспоминания, когда и ее вот так же укладывали в мягкую постель и укрывали очень мягким покрывалом.

Прошло несколько дней. На улице похолодало, начинал моросить осенний дождь. Бабушка Таня перебирала картошку под навесом. Она тихонько стала напевать очень грустную песню о том, как на болоте плачет кукушка, а в лесу не спит по ночам коростель. Немощь примостилась на охапке сена, которое лежало тут уже с месяц. И ей показалось, что именно эту песню она когда-то уже слышала. Она напрягала свою память, но всякий раз из памяти исчезало что-то очень важное и единственное, самое дорогое в жизни. И после всегда становилось очень грустно и как-то одиноко в этом непростом для нее мире. Она уже не ворчала на бабушку Таню за то, что она опять работает, невзирая на болячки и возраст. Да и какой смысл в этом ворчании, если ее все равно не послушают.

– Немощь, а немощь, надо бы сестру сегодня навестить. Ты не устала целый день за мной таскаться?

– Чего спрашиваешь, если надумала, ты обязательно пойдешь, а мне, куда от тебя теперь? Но там, в гору надо подниматься, а у тебя нога опять разболелась.

– Нога прошла почти, добредем потихоньку, – ответила бабушка Таня.

Мне приходилось бывать в этом селе. Видел я не только бабушку Таню, но и еще многих женщин в преклонном возрасте. И я не раз поражался их умению преодолевать свои недуги,

не выставлять напоказ свою старость. И еще меня поражало то, что выглядят они намного моложе своих лет. А как может быть иначе, если их даже немощь не одолевает.

А надо бы так делать

В конец измучился Николай со своей женой. Такой был у нее характер скверный, что хоть из дома беги. Во все дела и события любила она свой нос совать. И не просто совать, а еще и советы давать, чтобы все по ее указаниям выходило. Подправить дверь в сарай решил Николай, так звали ее мужа. Только принялся за работу, а его благоверная уже рядом стоит, руки в бока, голова слегка на бок наклонена.

– Вон он чего тут делает, – заявила она, – а я думаю, когда он догадается дверь по-человечески сделать? Раз уж начал, то сделай так, чтобы дверь внутрь открывалась, а то зимой снегу наметает, ее иногда трудно открывать.

– Слушай, ты ничего не понимаешь, не лезь, пожалуйста, я без тебя управлюсь.

– Как это без меня? Кто чаще сюда ходит, ты или я? А раз я хожу сюда чаще, делай, как я сказала, дверь чтобы внутрь открывалась!

– Ты не видишь, что это не так просто сделать. Пол выше двери, его опускать надо или дверь укорачивать вот на столько, – он показал жене, насколько надо будет укорачивать дверь, – потом полки будут мешать, их тоже надо будет куда-то убирать. Если делать так, как ты хочешь, надо целую стройку тут разводить.

– А мое, какое дело? Раз взялся, делай так, как тебе говорят.

И она принялась его бранить за то, что он ничего не умеет делать, что ей надо всегда вмешиваться и учить его делать простые вещи. С досады он бросил молоток и ушел в сад. Подождав, когда жена уйдет, он вернулся и сделал дверь по-своему.

Как-то приехал к ним сын, который рассказал, что они с женой решили поменять кухню. Также он объяснил им, какую они заказали новую кухню. Николаю понравилось то, что они хотели сделать.

– И это отец говорит родному сыну! – вступила в беседу жена, – глупые дети, нафантазировали не понять что, а он взялся их еще хвалить за это. Я сама поеду к ним и разберусь во всех делах!

И она поехала, устроила скандал у сына, разругалась с невесткой. Пришлось Николаю вмешиваться и улаживать этот конфликт. Кухню сын сделал так, как они задумали, получилось все даже очень не плохо.

– Слушай, Татьяна, – обратился однажды Николай к жене, – съезжу я к двоюродной сестре, давно у нее не был.

Жена, как всегда, принялась его бранить, что он не дело задумал, что и в доме работы непочатый край, а ему только бы по родным походить и языком почесать. Махнул Николай рукой, дескать, с тобой все едино не договоришься, и уехал в деревню к сестре.

И хоть не любил он рассказывать про свои болячки, на сей раз не выдержал и рассказал сестре о поведении жены.

– Это не проблема, – успокоила его сестра, – я сама была не лучше, везде свой нос любила всунуть, но отучил меня муж, да так, что об этом и вспоминать не хочется больше. Ты посиди, а я кой-куда сбегаяю.

Она быстренько переделалась и ушла. Вернулась через час.

– Вот тебе два порошка, белый и красный. Когда придешь домой, дай немного красного порошка жене. Можешь с чаем, супом, чем угодно. Белый спрячь, его дашь тогда, когда поймешь, что она стала другой.

Так Николай и сделал. Всыпал ей красного порошка немного в суп, съела она его, даже не почувствовав. Пошел Николай забор чинить, а жена следом. И опять она взялась за свое. То колья новые ей не понравились, то вдруг калитку ей захотелось в этом месте сделать, хотя надобности в этом не было. Одним словом, не помог порошок, подумалось Николаю.

На следующий день он электрическую розетку решил починить. Розетка немного разболталась, надо было шуруп немного подтянуть. И опять жена тут как тут со своими советами.

– Эту розетку давно пора выбросить, – бранилась она, – у нее и цвет дурацкий, под обои не подходит, искрит она, когда что-то включаешь.

Николай поторопился, замкнул отверткой провода, аж искры посыпались. Хорошо, что ручка выдержала, и автомат сработал, а то наделал бы дел.

– Ну что ты всегда под руку зудишь, – сказал в сердцах, – отошла бы от греха подальше.

Жена отошла немного в сторонку, но браниться взялась с новой силой. Он и делать ничего не умеет, разучился простые провода скручивать, за что ни возьмется, одни проблемы от него.

– Слушай, если ты такая умная, становись и делай сама, – не выдержал Николай.

Что тут началось, описать трудно. Жена перешла уже на крик. Она кричала, что он специально хочет, чтобы ее убило током. Что она ему давно надоела, что он присмотрел кого-то на стороне.

Пришлось Николаю уходить и ждать, когда жена немного остынет или уйдет, куда-нибудь по своим делам.

– И опять порошок не помог, – подумал он с сожалением.

Однако порошок начал действовать, да так, что бедной женщине не до чужих дел стало.

Просыпается она утром, потягивается, провела рукой по лицу и задела за нос. Ей показалось, что он вырос за ночь. Подошла к зеркалу, так и есть, нос стал длиннее. Растволкала Николая, который накануне поздно лег, а теперь догонял недосып. Он проснулся, протер глаза.

– На нос мой посмотри, – потребовала жена.

Николай увидел, что нос и впрямь стал немного длиннее, но виду не подал.

– Гляжу, что дальше?

– Проснись, неужели не видишь, что он стал длиннее?

– Хватит придумывать, нос как нос, дай поспать.

Не добившись ничего от мужа, она еще раз посмотрела в зеркало. Нос вроде был ее, но в тоже время не ее.

– Может, укусила какая зараза, – подумала она и немного успокоилась.

Днем она увидела, как сосед складывал доски.

– Кто же так делает? – набросилась она на него, – ты же нам весь проезд загородишь.

– Причем тут проезд? – удивился сосед, – я на своей земле доски складываю, а вы как ездили, так и будете ездить.

Дарья, так ее звали, еще что-то хотела ему сказать, но подошел Николай, взял за плечи, развернул ее и слегка подтолкнул в одно место.

– Не обращай внимания на нее сосед, она не в духе сегодня, – произнес Николай и пошел за женой в дом.

– Вот ты какой? – встретила его жена криком, – тебе скоро на шею чего-нибудь, навалют, а ты даже не пошевелишься.

Николай попытался успокоить жену, но она еще больше разошлась, пришлось уходить из дома в огород. Утром у жены опять нос был длиннее, словно он за ночь снова подрос. Пришлось и Николаю подтвердить, что с носом у жены происходят непонятные вещи.

Прошло еще несколько дней. Жена поругалась с дочерью из-за какого-то пустяка, с соседкой что-то не поделила. И всякий раз утром она обнаруживала, что нос становился все длиннее и длиннее. К этой беде добавилась еще одна, нос стал синеть. Она обратилась в больницу, но там ей ничем не могли помочь.

Сидят вечером за столом Николай с женой и чай пьют.

– Скажи, что мне теперь делать? – обратилась она к мужу, – я уже на улицу не могу выйти. Пошла в магазин за хлебом, все на меня уставились, а один мальчик пальцем показал и спросил, почему у меня такой большой и синий нос?

– Не надо было его совать, куда не надо, – спокойно объяснил муж, – он из-за этого и вырос.

– Куда это я сую свой нос? – возмутилась жена.

– Не кипятись, а выслушай. С соседями, зачем ругалась, с дочерью перестала ладить, на меня, зачем без дела постоянно кричишь? И везде, где бы ты ни была, у тебя постоянные стычки и скандалы.

Жена обиделась, расплакалась, убежала из-за стола. Николай подсыпал потихоньку ей в чай белого порошка. Она вернулась, чаепитие было продолжено.

– Попробуй несколько деньков ни с кем не связываться, а там посмотрим, – предложил Николай жене.

Дарья ничего не ответила.

Утром Николай пошел ставить подпорки под сучья яблонь. Хороший урожай яблок начал созревать, не поломал бы сучья? Жена пришла позднее и раскрыла, было, рот, готовая уже давать, как всегда, свои указания. Но она сдержалась, вздохнула глубоко, посмотрела еще раз на работу мужа, напомнила ему, что пора идти на завтрак, развернулась и ушла в дом. За день она еще несколько раз порывалась влезть со своими указаниями, но всякий раз сдерживалась. Проснувшись утром, она первым делом побежала к зеркалу.

– Николай, Николай, ты был прав, – закричала она, – посмотри, нос стал немного меньше и не такой синий.

– Вот видишь, как все просто, – улыбнулся он, – помимо носа у тебя и глаза сегодня помолодели, скоро опять, как прежде, красавицей станешь.

– Скажешь тоже, – засмушалась она и пошла опять к зеркалу.

Говорят, что с этих пор они очень дружно живут. Дети их тоже часто стали навещать, не говоря уже о внуках, которые стали приезжать к ним на все лето. Что ж, когда в доме спокойствие и лад, всем хорошо. Живите в мире и дружбе, сами убедитесь в этом.

Подожок в подарок

Они возвращались из соседней деревни в жаркий июльский день.

– Пить хочется, мужики, сил нет, – сказал Максим.

– Ногу сапогом растер, дальше идти не могу, – сказал Иван.

– Чего в такую жару поперлись? Могли бы еще часик, другой погостить, – проворчал Серафим.

– Встретить бы волшебника, ведро воды выпросил бы у него, – произнес Максим.

– Я бы сапоги новые попросил, чтобы ноги не натирали, а то в этих далеко не уйдешь, – пожаловался Иван.

– А ты чего бы попросил у волшебника? – спросили они Серафима через некоторое время.

Но не успел тот ответить, как увидели они у дороги ведро с водой и сапоги новые. Остановились, смотрят удивленно на все это, не знают, что делать.

– Чего растерялись? Пей Максим воду, а ты, Иван, сапоги примеряй, – подтолкнул их Серафим.

Максим с опаской взял ведро.

– Пить ужасно хочется, но что за вода в этом ведре?

Он отпил несколько глотков.

– Такой вкусной воды, отродясь не пил, – произнес он и жадно припал снова к ведру.

Иван осторожно надел сапоги.

– В самый раз, – сказал он, притопнув сапогом, в такой обуви хоть на край света идти можно.

– А чего же ты долго соображал? Наши желания исполнились, – сказал Максим, – теперь нам легче дальше топтать будет. Тугодум ты какой-то, неповоротливый и медлительный.

– Сапоги хорошо, но могли бы более существенное попросить, – произнес Иван, – но откуда же было знать, что так обернется?

– Серафим, попроси денег, но больше, чтобы на всех хватило, может, исполнит волшебник твою просьбу, на троих их разделим, – предложил Максим.

– Ну, вас, мужики, – отмахнулся Серафим, не попрошайки мы, чтобы что-то выпрашивать.

Он увидел у дороги палку, усмехнулся, поднял ее, очистил от грязи и пыли, повертел в руках.

– А мне в подарок вот этот подожек сойдет, – пошутил он и зашагал по пыльной дороге вдоль окраины леса дальше.

Идут мужики дальше молчком, каждый думает о своем. Максим пожалел, что выпросил только ведро с водой, сапоги у Ивана по дорожке, конечно, но ведро все же лучше, чем палка у Серафима. Иван тоже пожалел, что мало попросил, но подумал, что сапоги лучше, чем ведро у Максима, а с палкой, которая досталась Серафиму, и сравнивать нечего. А у Серафима мысли совсем другим были заняты. Ходили они в соседнюю деревню, чтобы землицы прикупить немного, там один селянин продавал землю. О цене договориться им не удалось, уж больно дорого он запросил. А земля добрая продавалась. К тому же примыкала она к земле, которой владел Серафим. О подарках волшебника он и думать не думал.

Пришли они домой. Ивана жена похвалила, что он самый дорогой и нужный подарок выпросил. Максима жена пожурела немного, но тоже довольная ведром осталась. Серафима жена принялась было бранить, но он махнул на нее рукой и пошел в хлев. Подгнили бревна в хлеву, того и гляди завалится постройка, заменить надо бревна. Подожек у него с собой был. Подошел он к хлеву, постучал подошком по сгнившему бревну. Что-то рядом затрещало, хлев

зашатался, Серафим растерялся сначала, но потом немного пришел в себя и отошел от хлева на несколько шагов. Когда все стихло, глянул он, а вместо сгнивших бревен, красовались в стене новенькие бревна. Он потрогал их рукой с опаской, убедился, что это настоящие бревна и уложены они вместо сгнивших бревен очень хорошо. Заглянул внутрь хлева. Там сверкал желтизной новенький пол, были установлены новенькие кормушки, заменена оконная рама. Не узнать хлев, лучше прежнего стал. Хозяйка смотрит на это чудо и тоже улыбается.

– Вот тебе и подожек, – ухмыльнулся Серафим.

При помощи подожка поправил он баню, которая тоже изрядно подгнила. Зашел как-то в амбар, а там зерно для посева хранилось. Прошлым летом из-за засухи плохой урожай был, семена неважные тоже уродились. Взял рукой он горсть зерен и задумался.

– Что делать? Не будет доброго урожая и в этом году, – размышлял он вслух, – и поменяться не с кем, у всех такая беда, а купить хорошие семена, денег маловато.

Держит он зерна в руке и головой качает, а подожек к сусеку приставил.

– От такого зерна колоса наливного не дождешься, – вздохнул он еще раз, – даже цвет у них какой-то бледноватый.

Но что это? Зернышки на глазах стали выправляться, прибавлять в весе, наливаясь золотистой спелостью. Хорошо, что сусек был, не полностью засыпан зерном, а то высыпалось бы оно на пол. Таких отборных семян, Серафим еще в жизни не видывал.

Про чудесный подожек жена не вытерпела и рассказала по секрету соседке. Та, естественно, тоже по секрету рассказала другой соседке. Вскоре об этом узнала вся деревня и, естественно, Иван с Максимом.

– Нехорошо, получается, – возмущался Максим, – мы шли вдвоем по дороге, подожек нам всем должен принадлежать.

Об этом думал и Иван, но он не знал, как приступить к Серафиму, чтобы он как-то поделился подожком. Пошел он посоветоваться к Максиму.

– Чего тут думать? – сразу решил Максим, – пусть подожек день побудет у меня, день у тебя и день у Серафима. А чтобы все было справедливо, пусть и мое ведро день побудет у меня, день у тебя и день у Серафима.

– А как быть с моими сапогами? – спросил Иван.

– Также как с подожком и ведром.

– Но тебе они будут большими, а Серафиму ни в жисть на ногу не влезут.

– Если тебе жалко своих сапог, подожек мы будем только друг другу передавать.

– Не жалко мне сапог, Серафим может не согласиться.

– Уговорим, не переживай, а потом столько ведер и сапог наделаем, что и передавать ничего не надо будет, – успокоил его Максим.

Пошли с этой идеей к Серафиму. Тот и слышать не хотел сначала о том, чтобы передавать подожек, но мужики так на него насели, что он тоже согласился. Максим тут же принес ему ведро и забрал подожек. Прибежал с ним домой, жену покликнул.

– Сейчас новый дом ставить будем с подожком, – объявил он ей свое решение.

– Ты не спеши, Максим, подумаем, давай хорошенько, – остановила его жена, – дом пусть кирпичный будет.

– Верно, – поддержал ее Максим, – четыре комнаты в нем пусть будут, покрыт железом, крыльцо резное. Что еще?

– Сени пусть побольше будут, чтобы кладовку в них можно было устроить, – добавила жена.

Они подошли к старому дому, постояли немного, подумали, но в голову больше ничего не приходило.

– Давай, Максим, стучи подожком.

Максим тихонько постучал подошкой по углу дома. Они постояли, подождали, но ничего не произошло.

– Не умеешь ты, дай я сама все сделаю, – сказала жена и взяла подошок в руку.

Она тоже постучала по углу дома, но ничего снова не произошло.

– Подменил подошок, Серафим, – заключил Максим, – потому он так легко согласился с нами, ах жулик, ах плут, я ему сейчас устрою.

Выскочил он на улицу с подошкой, а к его дому уже Иван спешит. Не утерпел он, хотел узнать, что Максим при помощи подошки заимел. Пожаловался Максим на Серафима, что он не тот подошок дал, обманул он их, жульничать стал его сосед. Пошли они вдвоем к нему. Заходят, и давай корить за такой обман.

– Что вы, мужики, не думал я вас обманывать, настоящий подошок вам дал.

– Докажи, что настоящий, – потребовал Максим.

Взял Серафим подошок, подошел к колоде, на которой дрова рубил.

– Пусть она буден новая, – произнес он и легонько ударил подошкой по колоде.

На глазах изумленных мужиков, она стала новеньким чурбашком.

– Не умеешь ты, Максим пользоваться нужной вещью, – произнес Иван, – я ее возьму и пойду, попробую что-то путное сделать.

– Не пойдет сегодня, – возразил Серафим, – один раз в день волшебство совершается.

Утром ни свет, ни заря пришел Иван. Максим тоже не вытерпел и прибежал вместе с ним.

– Давай подошок скорее, – потребовал он у Серафима волшебную вещь.

– Подожди, а сапоги чего не принес, – съехидничал Максим.

– Не переживай, потом принесу, – ответил Иван, взял подошок и побежал через дорогу домой.

Придя домой, он заставил жену собрать все деньги, которые были в доме. Сложив их на стол, Иван дотронулся до них подошкой и потребовал, чтобы денег стало в несколько раз больше. Один раз дотронулся, другой, но деньги не увеличивались.

– Дай мне, – не выдержала жена, – может у меня получится?

Но и у нее ничего не получилось. Посмотрели в окно, а к ним Максим со своей женой уже спешит. Спрятали деньги, сидят за столом и гостей дожидаются.

– Ну как, получилось? – спросил Максим с порога.

– Не выходит, надо в печь эту палку засунуть, – ответил с раздражением Иван.

– И то дело, – поддержал Максим, – что же получилось, нашли мы ее вместе, а пользоваться должен один что ли?

– Давай ломаем ее пополам, а то в печь она не полезет, – предложил Иван.

– Давай, я наступлю на нее, а ты ломай.

– погодите, дурни, – остановила их жена Максима, – подошок слушается Серафима, вот он пусть и делает то, что вы хотите. Это будет справедливо и для всех польза.

Эта идея всем понравилась. Пошли все вместе к Серафиму. Тот начал отнекиваться, но на него так насели, что пришлось согласиться. Решили на следующий день идти к Максиму, чтобы подошок выполнил его желание. Утром всей толпой подошли к дому Максима.

– Вот видишь, колодец старый, скоро совсем развалится, – говорил Максим, – попробуй его починить.

Серафим взял подошок, произнес слова, чтобы колодец новым стал, дотронулся до него подошкой. Только он успел все это сделать, как зашевелился колодец, земля вокруг него заколебалась, и стал он на глазах меняться. И вместо старого, обветшалого колодца, на том месте красовался теперь новенький, хорошо отделанный колодец.

– А теперь к сараю пойдем, – сказал Максим и потянул Серафима к сараю.

– Подождите, мужики, так не пойдет, – возразил Иван, – сделал тебе дело, пошли ко мне дело делать.

– Чего ходить, когда все рядом, пусть нам все делает, а потом вам.

– Да погодите вы спорить, я вам еще вчера говорил, что только один раз в день подожек делает чудеса, – остановил их Серафим, – расходитесь, больше ничего интересного не будет.

– Хорошенькое дело, Максиму колодец отремонтировали, а нам ничего, – продолжала возмущаться жена Ивана, – а если в подожке чудеса кончатся, мы вообще ни с чем останемся?

– А ты накаркай, – вмешалась жена Максима, – твой язык такой вредный, что накличет беду, подожек откажется сам делать чудеса.

– Ой, послушайте ее, да твой язык самый ядовитый в деревне, помолчала бы лучше, чем мой задевать.

Пришлось мужикам урезонивать женщин, чтобы не поскандалить и не испортить такое хорошее дело.

Рано утром Иван был уже у дома Серафима. Максим не вытерпел и тоже пришел.

– Чего делать будем? – спросил Серафим и протер подожек.

Дорогу к дому надо отремонтировать, а то не подъехать в сырую погоду, а я доски должен привести.

Серафим подошел к дороге, которая вела к дому, попросил, чтобы подожек ее исправил, ударил тихонько подожком по дорожному полотну. И дорога словно бы ожила. Не прошло и минуты, как исчезли все ямы и ухабы, а покрытие стало очень твердым. Мало того, дорога и по улице была приведена в порядок.

– Теперь можешь все привозить, – сказал Серафим, повернулся и пошел к своему дому.

На следующее утро опять все собрались у дома Серафима.

– Пошли теперь ко мне, – потирая руки, сказал Максим.

– Это почему к тебе? – возмутилась жена Серафима, – никуда мы не пойдем, сегодня наша очередь.

И потому, как она решительно это заявила, с ней спорить никто не осмелился. Собравшиеся потребовали, чтобы чудеса делались при всех. Спорить не стали, а пошли в конец села.

– Вот пожарный водоем, он так зарос и заплыл тиной, что воды из него не возьмешь. Надо отремонтировать водоем, а то случись пожар, погорим все.

Серафим подошел к водоему, попросил подожек, чтобы он отремонтировал водоем, ударил слегка по бережку, и водоем преобразился. Мало того, что в нем плескалась чистая вода, он еще и был огорожен добротным забором, чтобы скотина или маленькие дети не попали в него случайно.

– Что же мы, для других все делаем, а для себя, когда дела начнем делать? – спросил Максим.

– Завтра идем к тебе, вот ты и решай, что тебе надо сделать, – ответил Серафим и пошел делать свои дела.

Утром его разбудил резкий стук в дверь. Проснувшись, Серафим взял подожек и вышел из дома.

– Чего в такую рань стучишь? – спросил он Максима, который стоял у двери.

– Чего тянуть, да и Ивану не обязательно смотреть, что мы будем делать?

Иван не слышал этих слов, когда подходил, а то не миновать бы перепалки между ними. Серафим взял подожек, и они пошли к дому Максима. Ивана с собой Максим не взял. Заходят в дом, а там жена Максима за столом сидит и загадочно улыбается.

– Что делать будем? – спросил Серафим.

– Хочу, чтобы таких колец было много, – сказала жена Максима и показала на золотое кольцо, которое лежало на столе.

Серафим попытался объяснить, что из этого ничего не выйдет, но его никто и слушать не стал.

– Сегодня наша очередь, наша, – заявил Максим, – а раз так, нам и решать, что делать, вот ты и делай.

Серафим понял, что спорить бесполезно, произнес, чтобы золотых колец стало много, дотронулся подошкой до кольца. Лежавшее на столе кольцо зашевелилось и заблестело явной новизной, но как было одно, так и осталось. Жена Максима возмутилась, что они ничего не поимели от подошка, пусть еще что-то сделает. Однако Серафим не стал спорить, а взял подошок и пошел домой. На улице его поджидал Иван, который напомнил, что завтра его очередь.

Рано утром следующего дня в дверь дома Серафима громко постучали. Он проснулся и пошел открывать. Это был Иван. Побурчав на него за то, что тот так рано пришел, Серафим взял подошок и пошел к Ивану домой. Максим стоял у дома и смотрел, как они пошли к Ивану, но к ним даже не подошел, понимая, что его с собой не возьмут.

Жена Ивана любезно открыла им дверь. Прошли они в комнату. Жена показала Серафиму на стопку денег, которая лежала на столе и попросила, чтобы с помощью подошка их стало много. Серафим попробовал отговорить ее, но его никто и слушать не хотел. Пришлось исполнять эту просьбу. Он дотронулся подошкой до денег, попросил, чтобы их стало больше, деньги пошевелились и стали новехонькими, но их количество не изменилось. Серафим повернулся и пошел к выходу.

– Подожди, – закричала на него жена Ивана, – но это же обман, мы ничего сегодня не получили.

– Обнови хоть шапку, – сказал Иван и подал для обновления старую шапку.

Серафим спорить не стал, дотронулся подошкой до шапки, попросил, чтобы она стала новой, но шапка как была старой, так ей и осталась.

– Я же говорил, что только раз в день работает подошок, – пояснил он и вышел из дома.

Придя домой, Серафим сел на лавку и задумался. Подошла жена и села рядом.

– Ничего хорошего с этим подошкой у нас не выйдет, – сказал Серафим, – наши партнеры от жадности могут плохих дел наделать.

– Что ты предлагаешь? – спросила жена.

– Утро вечера мудренее, – сказал Серафим, – решу, что ни будь.

Рано утром он вышел из дома и пошел в сторону леса. В конце деревни он подошел к небольшому домику и постучал в окошко. Вышел из домика мужчина небольшого роста и стал всматриваться в утренний полумрак.

– Василий, выводи своих из дома, – приказал ему Серафим.

– Что случилось?

– Не спрашивай, делай, что тебе говорят.

Пятеро детей и сонная жена вышли на улицу и сгрудились вокруг Василия. Серафим подошел к дому, попросил подошок не только отремонтировать дом, но и сделать его больше, ударил подошкой легонько по углу. Все затрещало, закрипело, а когда стихло, перед изумленной семьей красовался новый, просторный дом под железной крышей.

Хотел он идти уже дальше, но подошла к нему женщина с четырьмя детьми, стоит и смотрит жалобно. Посмотрел Серафим на их дом и головой покачал. Их халупа вот, вот, должна была окончательно развалиться. Держалась она уже на подпорках. Постройку дома вдове осуществить было не под силу. Посмотрел Серафим на подошок, покачал головой.

– Сделай милость, послужи сегодня еще раз, – попросил он подошок и подошел к дому вдовы.

Ударил тихонько он по углу дома подошкой, стоит и ждет. Гнетущая эта была пауза, но вот дом зашатался, закрипел, а потом превратился в настоящие хоромы.

– Живите на здоровье, – произнес Серафим и поклонился вдове с детьми.

На выходе из деревни его остановила еще одна семья. И еще раз пришлось просить подонок, чтобы он поправил и этот дом. А потом зашагал Серафим, не оглядываясь, в сторону леса.

А вот и то место, где неизвестный волшебник одарил их подарками. Серафим покликнул его, но ответа не последовало.

– Я возвращаю подонок, – произнес он после некоторой паузы, – я благодарю тебя за все, что ты помог мне сделать. Я попрошу, не обижайся на меня, но дальше владеть твоим подарком, нет сил, прости великодушно.

Он положил подонок у дороги, поклонился на четыре стороны и поспешил обратно в деревню. А там его уже ждали. Максим с Иваном и с женами, их родственники, а это добрая треть деревни, стояли у его дома. Понимая, что они не случайно собрались и начнут что-то от него требовать, Серафим опередил их. Он поднял руку вверх, давая понять, что говорить будет он. Все притихли.

– Дорогие мои, я рад вам сообщить, что подонок я вернул, он лежит на прежнем месте, – произнес он громко, – кому он так нужен, прошу прогуляться до леса.

Сначала все зашумели, но потом увидели, что Максим с Иваном потихоньку отделились от толпы и побежали в сторону леса. Женщины остались стоять на месте, а мужики бросились их догонять.

– Волшебник, волшебник, я хочу подонок, – твердил Максим на бегу.

То же самое желание повторял и Иван.

Вот и лес, знакомая дорога вдоль леса, а вот и то место, где они получили подарки. Мало того, у дороги лежали два подонка. Это были именно те подонки. По первому взгляду Максим с Иваном определили, что они как братья близнецы и похожи на подонок, который был у Серафима. Подбежали родственники, которые окружили их. И Максим, и Иван заявили, что помощь будут оказывать всем, но за определенную плату. Своим родственникам они обещали хорошие скидки.

Только напрасно они это говорили заранее, не работали волшебные подонки так, как хотелось бы. А вот из дома без подонка ни Максим, ни Иван выйти не могли. Они словно приклеивались к их рукам при выходе из дома. Молодые еще мужики, вынуждены были, как древние старухи, щеголять с палками не только по деревне, но и в других местах, куда им приходилось попадать. И что только они не пытались сделать с подонками, ничего не получалось. Пробовали рубить, но и топор их не брал, пробовали ломать, но куда там, даже огонь их не смог одолеть.

А за Серафимом с женой вечером пришли те хозяева, которым он дома перестроил с помощью подонка. Поклонились им низко и на новоселье пригласили. Хорошие новоселья получились, добрые и веселые. И хотя столы не богато были заставлены разными угощениями, но на это внимания даже никто не обратил. И попели, и поплясали от всей души. Подарки хозяевам добрые надарили, чтобы жили они счастливо в своих новых хоромах.

А Серафим осенью засеял поле добрыми семенами. На следующее лето хороший урожай озимых собрал. К нему все за семенами стали обращаться. Пришлось продать за нормальную цену эти семена. Прикупил землицы немного, инвентарь кое-какой приобрел. Неплохо зажил, что там говорить. И все бы ничего, но дружбы прежней между мужиками уже не стало. И кто из них прав, а кто виноват, пойдя теперь разбери. Максим одно говорит, Иван другое, но оба винят в своих злоключениях только Серафима.

Грустная кукла

Настя сразу увидела эту куклу. Они пришли с мамой в магазин, чтобы купить Насте подарок в связи с окончанием ею на отлично первого класса. Маме тоже кукла сразу понравилась. Они попросили продавца показать им эту куклу. Когда продавец снял ее с витрины и дал Насте, ей показалось, что кукла слегка улыбнулась и даже прижалась к ее груди.

– Мамочка, я назову ее Катюшей, – воскликнула Настя.

Мама улыбнулась, расплатилась за куклу, и они пошли домой. У дома Настя встретила одноклассницу Риту, которой она рассказала про куклу и показала ее ей, приоткрыв коробку. Подружке кукла тоже очень понравилась, они договорились встретиться у Насти и поиграть с куклой. Дома Настя быстренько переоделась, умылась и пошла к себе в комнату. Там она вытащила куклу из коробки, тряпочкой обтерла ей личико, ручки, ножки и поставила на диване. В это время пришла Рита.

– Какая она красивая, ты как ее назовешь? – спросила Рита.

– Я назвала ее уже Катюшей, – объявила Настя.

Рита хотела уже взять куклу.

– Подожди, – воскликнула Настя, – ты пришла с улицы, иди и вымой руки.

Рита сказала, что она только что их вымыла, но, тем не менее, она пошла с Настей и еще раз вымыла руки. Когда они снова пришли в комнату, Рита хотела опять взять куклу.

– Зачем ты ее берешь? – сказала Настя, – мы еще не решили, в какую игру будем играть.

– Какая разница, в какую игру играть? – удивилась Рита.

– Большая разница, – ответила Настя, хотя и не представляла себе эту разницу.

Рита пожала плечами и ничего не ответила.

– Я сейчас соберу игрушки, а потом мы решим, во что нам играть.

Настя достала еще две куклы, плюшевого медведя и большого белого кота и посадила всех на диван.

– Этих игрушек нам хватит, – рассудила она, – а теперь давай решать, во что мы будем играть?

Рита пожала плечами, настроение у нее явно ухудшилось.

– Мне все равно, во что играть, предлагай ты, – ответила она Насте.

– Можно было бы сыграть в школу, но школа мне настоящая уже надоела, лучше сыграем в дочки-матери.

– Хорошо, – согласилась Рита, – но Катюша будет моей дочкой.

– Нет, Рита, так не пойдет, Катюша будет моей дочкой, а ты возьмешь вот эти две куклы, у тебя будут две дочки.

Такое решение явно не устраивало Риту, но она нехотя все же согласилась. И они начали игру.

– Ты зачем сажаешь эту грязную рядом с моей Катюшей? – возмутилась Настя.

– Ничего она не сделала твоей кукле, – оправдывалась Рита, – она даже не коснулась ее. Настя, тем не менее, взяла куклу на руки и стала убаюкивать ее.

– Я, пожалуй, пойду на улицу, – сказала Рита, встала и пошла к выходу.

– Не уходи, – пыталась остановить ее Настя, – я дам и тебе немного подержать Катюшу.

Но Рита ушла. Настя попробовала поиграть одна, но с улицы доносились крики ребят, было весело и интересно там у них, а не в этой комнате. Она подошла к окну, посмотрела во двор. Ребята играли в догонялки, девчонки в классики. Настя положила куклу в коробку и тоже пошла на улицу. Мать наказала ей, чтобы она никуда не уходила со двора. На улице Настя хотела похвастать, какая у нее замечательная кукла, но это никого даже не заинтересовало.

Вечером пришел домой папа.

– Папа, мне мама купила самую лучшую куклу, – сразу похвасталась ему Настя, – я ее сейчас принесу.

Настя прибежала в свою комнату, схватила коробку и вернулась с ней назад.

– Вот смотри, – она открыла коробку.

Папа посмотрел на куклу и покачал головой.

– Ну и лицо у твоей куклы, скучное, грустное, некрасивое, – сказал он.

– Что ты говоришь? – возмутилась мама и посмотрела на куклу.

– Посмотри, она сейчас заплачет, – улыбнулся папа.

– Но в магазине она была самая хорошая, она приветливо улыбалась нам, когда мы ее покупали, – произнесла мама в какой-то растерянности.

– Вы обидели, наверное, ее, вот она и стала такой, – заключил папа.

– Ну что ты говоришь, разве могут куклы то улыбаться, то грустить? Нам, наверное, дали не ту куклу, – решила мама, – мы ходим в магазин и заменим ее на другую.

Настя ничего не сказала. Ей тоже не нравилось кислое выражение лица ее Катюши. Утром они с мамой снова пошли в магазин. Куклу продавец принял от них сразу. Они стали выбирать другую куклу.

– Мама, вот красивая кукла, посмотри, у нее золотистые волосы, с золотыми блесками платье, на туфельках тоже золотистые пряжечки, давай возьмем ее.

Мама согласилась. Довольная Настя несла куклу домой. Во дворе ребят еще не было. Настя подбежала к окнам квартиры, где жила Рита. Она стала ее звать. Рита подошла к окну и открыла его.

– Посмотри, мы обменяли Катюку на Золотоволоску, видишь, какая красивая.

– Ничего красивого в ней нет, такие куклы почти у всех наших девочек есть, – ответила Рита.

– Такие, но не такие, моя лучше, – возразила Настя.

Рита пожала плечами и стала закрывать окно.

– Приходи, будем играть в куклы, – предложила Настя.

– В эту куклу я играть не хочу, выходи во двор, скоро выдут ребята, будем в догонялки играть, – ответила Рита, закрывая окно.

На следующий день Настя с мамой снова пришли в магазин. Они посмотрели на витрину, но куклы Катюши на витрине не было. И Насте стало почему-то очень грустно.

Волшебная кукла

Ее купили на центральном рынке. Она была очень даже приличных размеров. Но главное ее достоинство было в том, что в отличие от обычных кукол, она кроме слова мама, произносила еще несколько слов. Этим самым она привлекла внимание старшей сестры, которая и купила эту куклу.

– Посмотри, Люба, что я тебе принесла? – окликнула она младшую сестренку, – говорящая кукла.

Люба училась в школе, поэтому редко уже играла в куклы, сообщение сестры ее не очень-то обрадовало.

– Да ты посмотри на нее, а потом вороти нос, – смеялась старшая сестра и раскрыла коробку, – она тебе еще подругой станет.

Пришли с работы усталые родители, которые тоже без энтузиазма восприняли ее сообщение о приобретении куклы. Вечером семья поужинала, а потом все разошлись по своим комнатам. В определенное время все улеглись спать. Было все так, как и в предыдущие дни. А вот утро началось совсем не так, как обычно.

– Ерунда мне сегодня какая-то снилась, – сказал папа, – приходила ко мне во сне кукла, которую Ксения купила. Она не просто приходила, а угрожала мне.

– Папа, – вступила в разговор Люба, – мне тоже кукла снилась. Она говорила, что будет хозяйкой в нашем доме.

Но больше всех была расстроена мама. Кукла не просто снилась маме, она потребовала, чтобы ей купили отдельную кровать, Люба перешла в комнату к Ксении, она одна должна находиться в ее комнате. Если этого не сделают, она очень строго всех накажет.

– Пойду и выброшу твою покупку, Ксения, – решительно заявил папа и встал из-за стола.

– Подожди, не спеши, – остановила его мама, – кто знает, что это за история. А вдруг это злое волшебство какое-то? Я посоветуюсь на работе со знающими людьми, а вечером решим, что делать.

– Хорошо, подожду до вечера, но меня могут сегодня в командировку отправить на неделю, не хотелось бы вас оставлять со всякой ерундой.

В обед папа уехал в командировку. Мама посоветовалась с подругами на работе, но от этих советов легче не стало. Подруга ее так застрашала, что мама окончательно расстроилась и не знала, что делать. А история с куклой продолжала развиваться дальше. Люба побоялась ночевать в своей комнате и перешла к сестре. Мама тоже ночью почти не спала. Утром они рассказали, что им снилось.

– Мне кукла приказала, чтобы я купила гороху и черную ленту, – рассказывала старшая сестра.

– Я должна убрать все свои вещи из комнаты, – жаловалась Люба.

– Сегодня я должна принести кровать, – чуть не плача говорила мать.

Им в эту минуту явно не хватало папы. Без его участия решили выполнить все приказания куклы.

– После полуночи в мою комнату не заглядывать! – прозвучала четкая команда, когда они сидели за столом и ужинали, – у меня сегодня будут гости.

После этого в доме оставаться было страшновато.

– Может, у бабушки переночуем? – робко предложила Люба.

– Еще чего, из своего дома убежать не будем, – возразила ей Ксения.

Мать пожалала плечами и ничего не ответила. Она боялась за дочерей и готова была переселиться куда угодно, лишь бы не случилось беды. Решили они остаться дома, хотя такое решение далось им не просто. В доме всю ночь было тихо. Даже странные сны никому не присни-

лись. Тем не менее, какая-то тревога словно гуляла по комнатам. И эта тревога не оставляла до тех пор, пока они находились в доме. Но стоило выйти за порог дома, как наступало какое-то облегчение.

Люба должна была первой приходиться домой из школы. Она напросилась к подруге в гости, чтобы там дожидаться сестру, а потом и мать. Она пыталась несколько раз рассказать подруге о той беде, которая на них свалилась, но всякий раз ее что-то удерживало.

В наступившей ночи опять всем приснились сны. Мать должна была на окно повесить плотную штору. Ксения должна принести килограмм пшена и немного сала, а Люба вымыть пол в комнате.

– Я боюсь туда заходить, – пожаловалась Люба.

– Я вымою за тебя, – успокоила ее мать.

– Только посмей, – раздался хохот, – я тогда заставлю отвести ее в лес.

И пришлось им опять выполнять все приказания куклы. В следующие две ночи, никаких снов им не приснилось и указаний не поступало. А тут приехал, на радость всем, папа. С таким восторгом его еще никогда домашние не встречали. Перебивая друг друга, они спешили рассказать ему о злоключениях с куклой. Папа их выслушал, встал и пошел в комнату, где была эта кукла. Он подошел к двери, дернул за ручку, но дверь не открылась. Он дернул сильнее, но она даже не пошатнулась. Папа уперся ногой в стену, двумя руками взялся за ручку и снова дернул что есть силы дверь. Ручка оказалась у него в руках, а дверь осталась у него закрытой.

– Подожди у меня, ведьма, – папа побежал в сарай и вернулся с топором.

Но мать остановила его.

– Подожди, надо подумать, а то и до беды можно докатиться, сам видишь, дело не простое.

Папе не хотелось отступать, он мужчина, а тут какая-то кукла всем домом управлять стала. Но мать с такой мольбой смотрела на него, что он махнул рукой и пошел отдыхать.

Люба пыталась скрыть от товарищей в школе о злоключениях с куклой, но это ей не удалось. И она рассказала своей подруге об этой истории. Подруга не удержалась и рассказала еще одной подруге. Дошла эта история до трех друзей, Витьки, Ваньки и Мишки. После школы они подошли к Любе и стали расспрашивать о ведьме, которая поселилась в их доме. Люба отнекивалась сначала, но потом все же рассказала все.

– Братцы, – воскликнул Ванька, – она свету боится.

– С чего ты взял? – усомнился Мишка.

– Верно, – поддержал Витька, – она заставила темные шторы в комнату повесить, приходит только ночью.

– Вы правы, – произнес Мишка, – давайте подумаем, как ее ослепить?

– Чего думать, сорвать надо шторы, когда солнце в окно светить будет, а там посмотрим, – произнес Витька.

– А как вы в комнату попадете? – вмешалась в разговор Люба.

– Это наше дело. А ты скажи, когда солнце начинает в твоё окно светить?

– Часа через два, может меньше, оно заглядывало в мои окна.

– Успеем за это время подготовиться, – произнес Витька.

Ребята велели Любе идти к подруге, примерно через час быть у дома. Она пришла к назначенному времени. Ребята еще не пришли, ей пришлось походить некоторое время возле дома. Наконец появились и они. Солнце только начинало освещать Любино окно.

– Подождем еще немного, – решил Витька.

– А кукла вам ничего не сделает? – спросила Люба.

– Ерунда, – ответил Мишка, – если бы она была такая сильная, она не стала бы закрываться от твоего папы.

Когда солнечные лучи полностью осветили окно, ребята приступили к делу. Несколько увесистых камней полетели в стекла Любиного окна. Потом Мишка палкой добил остатки стекла, а Витька с Ванькой зацепили крючками штору и потянули ее на улицу. Все произошло так быстро, что Люба не успела ничего сообразить. Услышав звон разбитого стекла, вышла из дома соседка.

– Караул! – закричала она, – грабят!

Любе с трудом удалось ее успокоить. А ребята сорвали штору и вытащили ее на улицу. Яркий солнечный свет осветил Любину комнату. В ней вроде кто-то заметался, даже застонал. Когда все стихло, Витька заглянул в окно.

– Кукла в кровати, – сообщил он друзьям.

– Пошли в дом и вытащим ее на улицу, – предложил Ваня.

Они, конечно же, робели, когда залазили через окно в комнату, но кукла спокойно лежала в кровати. Ребята вытащили ее вместе с кроватью на улицу.

– Что дальше делать будем? – спросил Мишка.

– Люба, в чем вы принесли ее домой?

Люба сбегала в сарай и принесла большую коробку. Куклу положили в нее и обмотали клейкой лентой.

– Давайте отнесем ее в котельную и там сожжем в топке, там дядя Вася работает, он не откажет, – предложил Витька.

– А может, выбросим в мусорный бак? – сказал Ваня, – по рассказам она вроде бы живая, а жечь живое существо не хотелось бы.

Мишка подбежал к коробке, схватил ее и выбежал с коробкой на обочину дороги. У светофора он остановился и стал ждать. Подъехал большой грузовик с прицепом и остановился. Мишка подбежал к заднему борту прицепа и бросил в него коробку с куклой. Подбежали друзья. Машина в это время тронулась и поехала по шоссе за город.

– Теперь ее не догонишь, – сказал с сожалением Витька.

– Зачем тебе ее догонять? – удивился Мишка.

– Как зачем? Надо ведьму было оставить у себя, – пояснил Витька, – кто знает, что она умеет делать?

– Чего же раньше об этом не думали? – сказал Мишка, – вы же ее в топку хотели запихать. А что она плохого сделала? Напугала Любку с сестрой и матерью?

– Не говори, – продолжил Витька, – ведьма еще молодая, может быть, вот и творила невесть что. А мы бы ее ручной сделали, она нам могла бы пригодиться.

– Деловой ты, Витька, зачем тебе ведьма понадобилась, – задал вопрос Мишка.

– Зачем, зачем, вот ты по математике хорошо соображаешь, а у меня проблемы, – вздохнув, сказал Витька, – экзамены скоро сдавать надо будет.

Все засмеялись, а Витька, махнув рукой, заспешил к дому Любы.

– Куда вы куклу дели? – спросила Люба ребят.

– Отправили в дальнее путешествие, – смеясь, ответил Мишка.

– Вы убили ее?

– Успокойся, мы коробку с куклой бросили в кузов автомашины, сейчас она катит по шоссе в сторону областного центра.

Сначала Люба была довольна таким решением, а потом задумчиво произнесла.

– Кто знает, в какие руки она попадет? А если ее сожгут, в какой-нибудь топке?

– Почему сожгут? – спросил неуверенно Ваня.

– Не подумают и натворят бед в горячке, – ответила ему Люба, – вы что хотите, думайте, но мне почему-то стало жаль эту куклу. Она никогда, наверное, не жила у людей, не знает наши правила. Прошло бы время, она все поняла и стала другой. Нам она тоже ничего плохого не сделала, мы не поняли ее, она не поняла нас.

– Раз мы ничего плохого ей не сделали, другие люди тоже не хуже нас, – уверенно заключил спор Мишка.

И всем тоже стало жалко эту куклу. И где она теперь? Если встретите, не делайте ей большого зла. И так чудес очень мало на этом свете осталось.

Мои дети лучше!

Хорошо жили семьи двух лис, дружно и в меру обеспеченно. Охотно помогали они друг другу в домашних делах, частенько сидели по вечерам за чашкой хорошего чая, мирно беседуя о делах семейных. Потом детки у них пошли. Говорить нечего, хорошие лисята были, красивенькие и шустренькие. И хоть меньше у них времени оставалось на непринужденные беседы, больше по другим нуждам общаться приходилось, дружба, казалось, только крепла. А как иначе? Заболел у одной лисенок, куда пойдешь за советом? К соседке и прибежишь, чтобы та посоветовала, каким настоем лечить больного. По делам надо сбегать куда-то, опять за помощью к кому обращаться? Опять к соседям. Так вот и жили, не тужили.

Дети стали подрастать, тоже вместе играли, вместе баловались.

– Соседка, – покликнула лиса Белохвостка, лису Длиннохвостку, – я слышала, твоя дочка на конкурсе красоты первое место заняла.

– Нет, только третье, но я и этому рада. Она расстроилась, уж больно ей хотелось в следующем конкурсе поучаствовать. А твой сынок, ежика мне сказала, какую-то модель уж больно хорошую сделал, с ней он поедет на какой-то слет.

– И не говори, соседка, растут дети, душа за них радуется. И время другое пошло. У них то одно занятие, то другое, а у нас что было?

– Ты, верно, заметила, развлечений у них много. Нас больше по дому заставляли работать.

Они подошли к лужайке, прилегли на мягкую травку.

– Твой сынок, я смотрю, тоже все по дому старается, – сказала Белохвостка.

– Заботливый он у меня, отцу все помогает, сам все пытается сделать. Твоя доченька тоже все дома и дома, вся в тебя пошла.

– Не говори, она у меня молодец, зря не посидит. Сынок с моделями возится, а она со шваброй или мотыгой какой трудится. Это моя помощница растет.

– Не заметишь, как совсем взрослыми станут, свои гнезда обустраивать начнут, своих детей растить.

– Дети взрослеют, мы стареем.

– Рано еще, соседка, о старости заговорила. Заболтались мы, а у меня обед варится.

Они разошлись по своим домам. У лис тоже было много общих разговоров. То посоветуются о том, как лучше в сельский курятник попасть, то о том, где и какие капканы люди наставили. По хозяйству немало совместных дел было. Они часто помогали друг другу делать какое-то серьезное дело. А то просто лежали на травке и беседовали о проблемах разных. Они тоже были довольны своими детьми. Все шло у этих семейств, казалось, как нельзя лучше.

В тот день была пасмурная погода. И хоть была середина лета, а в это утро словно опять осень забрела невзначай в их лес. Было не по-летнему прохладно, временами принимался моросить мелкий, поистине осенний дождь. На поляну выходить не хотелось, поэтому обе семьи находились дома.

Длиннохвостка проверяла одежду дочери.

– У тебя опять на юбочке дырка, как ты носишь одежду? Надо аккуратней быть, вон у твоего брата, все вещи на месте и как новенькие, а носит он их дольше, чем ты носила эту юбку.

– Мама, мне соседский сынок проходу не дает, он такой вредный, ты пожаловалась бы его родителям. Вот и юбочку эту он мне порвал. Вцепился в нее своими противными зубками, я дернулась, вот дырка и появилась.

– Сочиняет она все, мама, – вмешался сын, – она сама вертится как юла и лазит неизвестно где, а на соседа все валит.

– Тоже мне защитник, откуда ты видеть мог, что натворил этот озорник? Ты постоянно занят какими-то делами, тебя в компанию друзей не дозовешься.

– Я поговорю с соседкой, – пообещала мать.

В семье Белохвостки тоже разговор состоялся. Мать стала бранить сына за то, что тот с компанией забрался к ним в огород и испортили несколько грядок.

– Не я это был, – оправдывался лисенок, – это соседская лисичка явилась с компанией, вот они и забрались к нам в огород. А я хотел их только поругать немного. А она взяла ком грязи и запустила в меня. Помнишь, сорочка грязная у меня была, это все ее проказы.

– Хорошо, я поговорю с соседкой, надо приструнить эту озорницу, а то совсем разболтается.

– Не слушай его, мама, он сам хорош, любит на других все сваливать. Как тебе не стыдно на девочку жаловаться.

Но ее мать не послушалась и на другой день начала пенять соседке на ее дочь.

– Разбаловалась твоя доченька, – говорила она Длиннохвостке, – моего лисенка грязью обляпала, что за бестия у тебя растет?

– Что ты, соседка? Это твой сынок порвал своими зубками юбку моей доченьке, она мне жаловалась на него.

– Не мог мой сынок такого сделать, это твоя вертихвостка забралась куда – ни будь, а теперь на моего сыночка сваливает.

– Это моя-то дочь вертихвостка?

– Твоя, а ты как думала?

– Как у тебя язык повернулся так обозвать мою дочь? Она у меня первая красавица в лесу, послушная, умная, сама завидовала мне. Мои дети самые лучшие, запомни это!

– Это я то завидовала? Ты в своем уме, соседка? Да твоя краля хуже гончего пса надоела нам, целый день болтается возле нашего дома. Ее дети самые лучшие? Вот выкуси, – она показала ей лапу, – мои дети первые в лесу, запомни ты это! Нашла, кого хвалить, дочь бездельницу?

– Это моя дочь бездельница? Это сынок твой лодырь, водицы в дом не принесет, а ты на мою доченьку такое наговариваешь.

– Все твое семейство такое. Отец у вас криволапый, весь лес над ним потешается. Собаки догнать его не могут потому, что от смеха спотыкаются.

– Это мой лис криволапый? Сама ты кривая, а у лиса твоего спина горбатая. Как он идет, все в лесу по карманам сразу шарят, чтобы милостыню ему дать. У него на спине находится, словно нищенская сума, а ты про моего лиса еще твякаешь.

– Не я твякаю, а ты скулишь, от твоего писка голова болит.

– Что же ты столько лет ко мне в гости шастала? Видеть теперь тебя больше не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.